

Эмилио Сальгари

Черный корсар

*Часть сборника
Веселый Роджер: лучшие романы
о пиратах*

Антильские пираты

Эмилио Сальгари
Черный корсар

«ЭКСМО»

1898

УДК 821.311-3
ББК 84(0)-44

Сальгари Э.

Черный корсар / Э. Сальгари — «Эксмо»,
1898 — (Антильские пираты)

В романе описываются драматические события в Карибском бассейне в период борьбы против испанского владычества.

УДК 821.311-3
ББК 84(0)-44

© Сальгари Э., 1898
© Эксмо, 1898

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	25
Глава 6	34
Глава 7	41
Глава 8	47
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Эмилио Сальгари

Черный корсар

Глава 1

Флибустьеры с острова Тортуга

Ветер с моря донес чей-то сильный металлический голос, раскатившийся во тьме.

– Эй, на лодке! – угрожающе приказал он. – Суши весла, или я пушу вас ко дну!..

Небольшое суденышко с двумя гребцами на борту, с трудом разрезая чернильные валы, торопливо уходившее от черневшего на горизонте высокого берега, словно скрываясь от неведомой опасности, вдруг резко затормозило ход. Оба быстро подняли весла, разом вскочили на ноги и с беспокойством стали вглядываться в даль. Перед ними возник силуэт огромного судна.

Гребцам было лет под сорок каждому; густые, лохматые бороды, как видно, не знавшие щетки или гребешка, придавали еще больше мужественности их и без того суровым энергичным лицам.

Их голову покрывали широкие войлочные шляпы со множеством дыр и потрепанными полями, а сильную грудь едва защищали рваные, полинявшие фланелевые рубахи с оторванными рукавами, перепоясанные столь же ветхими красными кушаками, за которыми было заткнуто по паре огромных тяжелых пистолетов, бывших тогда в ходу. Короткие штаны также зияли прорезами, а босые ноги были сплошь в грязи.

Оба человека, которых можно было бы принять за беглецов с каторги, будь она тогда на побережье Карибского моря, как позднее в Гвиане, беспокойно переглянулись при виде огромной тени, неясно видневшейся среди блеска звезд на темно-синем горизонте.

– Смотри, Кармо, – сказал тот, что казался моложе. – Смотри хорошенько, у тебя глаза острее. Дело идет о жизни или смерти.

– Это какой-то корабль. Он от нас на расстоянии не более одного кабельтова, и все-таки я не пойму, идет он с Тортуги или из испанских колоний.

– Неужели это друзья?.. Гм! Заплыть так далеко, под самые пушки бастионов, рискуя наткнуться на эскорт кораблей, сопровождающих какую-нибудь галеру, груженную золотом!..

– Как бы то ни было, Ван Штиллер, но они нас заметили и не дадут нам уйти. Попробуй мы смыться, они одним залпом картечи отправят нас обоих к дьяволу.

В это время в темноте вновь раздался все тот же мощный голос, далеко прокатившийся по волнам Великого залива:

– Есть кто живой?

– Дьявол... – пробормотал тот, которого звали Ван Штиллер.

Его товарищ влез на сиденье и что было мочи крикнул:

– Эй, какому наглецу хочется знать, куда мы держим путь?.. Если ему невтерпех, пусть спустится к нам, мы ему все растолкуем с помощью пистолета.

Столь самодовольное заявление не вызвало, однако, гнева у человека, стоявшего на мостике. Напротив, он, казалось, обрадовался и крикнул в ответ:

– Вперед, смельчаки, вас ждут Береговые братья!

У гребцов в лодке вырвался крик радости.

– Береговые братья! – воскликнули они.

Тот же, которого звали Кармо, добавил:

- Да утонуть мне в этом море, если я не узнал этот голос!
- Кто же это, по-твоему? – спросил его товарищ, снова взявшийся за весла и налегший на них с новой силой.
- Только один из всех храбрецов с Тортуги мог решиться заплывать под самые стены испанских фортов.
- Кто же это?
- Черный корсар.
- Гром и молния!.. Он!.. Неужели он?..
- А мы-то какую весть везем этому славному моряку... – пробормотал Кармо со вздохом. – Весть о смерти...
- А ему, поди, хотелось вовремя прийти на помощь и вырвать несчастного из рук испанцев. Верно ведь, приятель?
- Да, Ван Штиллер.
- Это уж второй повешенный!..
- Да, второй. У него было два брата, и оба угодили на виселицу!..
- Он отомстит, Кармо.
- Я не сомневаюсь. И мы ему поможем. День, когда мы придушим трижды проклятого губернатора Маракайбо, будет самым счастливым в моей жизни! Я загоню тогда оба эти изумруда, зашитые у меня в пояс, а тысячу пиастров, которые мне за них, пожалуй, дадут, прокучу с друзьями.
- Ну вот, доплыли!.. Говорил я тебе? Это корабль Черного корсара!..
- Корабль, до того почти неразличимый в быстро надвигавшихся сумерках, оказался теперь в полушвартове от маленькой лодки.
- Это было одно из быстроходных судов, на которых пираты с Тортуги охотились за крупными испанскими галерами, вывозившими в Европу сокровища из Центральной Америки, Мексики и экваториальных районов.
- Пиратским парусникам с высокими мачтами было достаточно самого легкого ветерка. Как у лучших кораблей того времени, у них был узкий киль, высокий нос, крутая корма, прекрасное вооружение.
- Двенадцать пушек-каронад¹ торчали из бойниц, угрожая с правого и левого бортов, два длинных крупнокалиберных орудия на верхнем полубаке готовы были смести картечью любого, кто оказался бы на палубе вражеского судна.
- Пиратский корабль лег в дрейф, чтобы дать возможность лодке подойти. Однако при свете фонаря на носу были видны десять-двенадцать вооруженных человек, готовых открыть огонь при малейшей опасности.
- Когда лодка подошла к борту парусника, оба моряка ухватились за канат, брошенный им вместе с веревочной лестницей. Закрепив лодку, они втащили в нее весла и с удивительной ловкостью взобрались на палубу.
- Два пирата приставили им ружья к груди, в то время как третий осветил фонарем их лица.
- Кто вы такие? – спросил он у них.
- Черт побери!.. – воскликнул Кармо. – Здесь не узнают старых знакомых?..
- Акула меня сожри, если это не Кармо!.. – воскликнул человек с фонарем. – Так ты еще жив, а на Тортуге тебя считали погибшим!.. Еще один воскресший из мертвых! Ты ведь Ван Штиллер из Гамбурга, не так ли?
- Он самый! – прозвучал ответ.
- Выходит, ты ушел от веревки?

¹ Каронада – короткое гладкоствольное орудие. (Здесь и далее примечания переводчика.)

– Ну да! Смерти я пришелся не по вкусу и потому решил пожить еще годок-другой.

– А ваш капитан?

– Тише... – предостерег Кармо.

– Не бойся, говори. Он погиб?..

– Проклятые вороны!.. Чего вы раскаркались? – вдруг разнесся тот же металлический голос, что грозил морякам, когда они плыли на шлюпке.

– Гром и молния!.. Черный корсар!.. – пробормотал с дрожью в голосе Ван Штиллер.

– Это мы, капитан, – громко ответил Кармо.

С капитанского мостика сошел человек и направился к ним, держа руку на пистолете.

Одет он был во все черное, с элегантностью, необычной для пиратов Мексиканского залива, которые довольствовались обычно парой штанов и рубашкой и заботились больше об оружии, чем о своем внешнем виде.

На нем был богатый камзол из черного шелка, отороченный кружевом того же цвета, с отворотами из черной кожи, темные шелковые штаны, опоясанные широким кушаком с бахромой, и высокие сапоги, а на голове большая войлочная шляпа, с которой до самых плеч свисало черное перо.

Во всем облике этого человека было что-то мрачное. Его бледное, будто мраморное, лицо с короткой черной бородкой, слегка завитой и подстриженной под библейского пророка, резко выделялось на фоне воротника и широких полей шляпы.

Однако черты лица его были прекрасны: правильный нос, небольшие, красные, как коралл, губы, широкий лоб, прорезанный неглубокой морщиной, придававшей ему меланхолический вид. Его черные, как уголь, красивого разреза глаза под длинными бровями сверкали иногда так, что приводили в трепет даже самых бесстрашных флибустьеров всего залива.

Его высокая, стройная фигура, величавая осанка, аристократические руки сразу выдавали в нем человека знатного происхождения, привыкшего повелевать.

При его приближении моряки со шлюпки переглянулись с некоторым беспокойством, прошептав одновременно:

– Черный корсар!

– Кто вы такие и откуда плывете? – спросил их корсар, остановившись перед ними и не снимая правой руки с пистолета.

– Мы пираты с Тортуги, нас зовут Береговыми братьями, – ответил Кармо.

– А плывете?

– Из Маракайбо.

– Вы бежали от испанцев?

– Да, капитан.

– С кем вы ходили в море?

– С Красным корсаром.

При этих словах Черный корсар вздрогнул. Постояв минуту в молчании, он метнул на обоих пиратов взор, в котором сверкали молнии.

– С моим братом, – сказал он, и голос его дрогнул. Он схватил Кармо за руку и потащил его на корму.

Подойдя к капитанскому мостику, корсар обратился к человеку, застывшему там в ожидании, и приказал:

– Держитесь подальше от берега, сеньор Морган, оружия не складывать, фитили держать зажженными, обо всем подозрительном докладывать немедленно.

– Слушаюсь, капитан, – ответил человек на мостике. – Ни одно судно или шлюпка не подойдут к кораблю без вашего ведома.

Не выпуская руки Кармо, Черный корсар спустился с ним вниз, вошел в небольшую, элегантно обставленную каюту. Хотя на пиратских кораблях после девяти вечера запрещалось зажигать свет, она была освещена лампой с позолоченным абажуром. Показав на стул, он кратко сказал:

– Теперь говори.

– Я к вашим услугам, капитан.

Однако капитан не стал задавать вопросы Кармо, а, скрестив руки на груди, принялся пристально его рассматривать.

Лицо Черного корсара побледнело еще сильнее, приобретя почти мертвенный оттенок, грудь вздымалась от волнения.

Дважды он приоткрывал уста, словно собираясь что-то сказать, но так и не произнес ни слова, словно боясь задать вопрос, ответ на который, как он предчувствовал, будет ужасным.

Наконец, сделав над собой усилие, он глухо спросил:

– Его казнили?

– Кого?

– Моего брата по прозвищу Красный корсар.

– Да, капитан, – ответил Кармо со вздохом. – Его казнили, так же как и другого вашего брата, Зеленого корсара.

Хриплый крик, жуткий, душераздирающий, вырвался из уст капитана. Он прижал руку к сердцу, опустился на стул, надвинув шляпу на лицо. Так просидел он несколько минут, и моряк со шлюпки слышал его рыдания.

Но вот корсар вскочил, словно устыдившись своей слабости. Лицо его, утратившее прежнюю бледность, стало спокойным и ясным, но взгляд метал яростные молнии. Он дважды прошелся по каюте, прежде чем продолжать разговор, а потом сказал:

– Я боялся опоздать, но теперь мне остается только мстить. Его расстреляли?

– Повесили, сеньор.

– Ты уверен в этом?

– Я своими глазами видел это. На площади Гранады.

– Когда его повесили?

– Сегодня, после полудня.

– Как он встретил смерть?

– Как герой, сеньор. Красный корсар не мог умереть иначе. Мало того...

– Продолжай.

– Когда ему затягивали веревку на шее, у него еще хватило сил плюнуть в лицо губернатору.

– Этой собаке Ван Гульду?

– Да, герцогу Фламандскому.

– Опять он! И вечно он!.. Что же он, поклялся истребить мой род до последнего колена? Одного из моих братьев он предательски убил, двоих повесил!..

– Это были самые отважные пираты во всем заливе, сеньор, вот почему он их так ненавидел.

– Но мне остается еще месть!.. – воскликнул флибустьер грозно. – Нет, я не умру, прежде чем не спущу шкуру с этого Ван Гульда и всех его близких! Я не успокоюсь, пока не сгорит город, которым он правит. Маракайбо, ты стал моим роком, но и я стану злым роком для тебя!.. Даже если мне придется обратиться ко всем флибустьерам Тортуги и всем буканирам Гаити и Кубы, я все равно не оставлю камня на камне от тебя!.. Расскажи мне обо всем. Как вас схватили?

– Нас захватили врасплох, безоружных, капитан. Как известно, ваш брат направлялся в Маракайбо, чтобы отомстить за смерть Зеленого корсара, ибо он, как и вы, поклялся стереть с лица земли фламандского герцога.

Нас было восемьдесят отчаянных смельчаков, готовых сразиться с целой эскадрой.

При входе в залив Маракайбо нас застиг ужасный ураган. Он вынес корабль на мель, а яростные волны разбили его вдребезги. Всего лишь немногие из нас с большим трудом выбрались на берег, и мы были в столь плачевном состоянии, что не смогли бы оказать ни малейшего сопротивления. К тому же у нас не было оружия.

Ободряя отстающих, ваш брат осторожно повел отряд через болота, стараясь, чтобы испанцы не заметили нас и не организовали погоню.

Мы надеялись найти надежное убежище в густых лесах, но нарвались на засаду. Триста испанцев во главе с самим Ван Гульдом напали на нас врасплох, окружили железным кольцом, перебили сопротивляющихся, а остальных увели в плен в Маракайбо.

– И мой брат оказался в их числе?

– Да, капитан. Хотя его оружием был один кинжал, он сражался, как лев, предпочитая умереть на поле боя, чем попасть в руки врага, однако фламандец его узнал и приказал схватить живым.

Избитых и оплеванных, приволокли нас в Маракайбо, где приговорили к повешению. Однако мне с моим другом, Ван Штиллером, повезло больше, чем другим. Вчера утром мы совершили побег.

Из хижины одного индейца, у которого мы нашли пристанище, мы наблюдали казнь вашего брата и его храбрых корсаров, потом, вечером, с помощью одного африканца захватили лодку, решив пересечь Мексиканский залив и добраться до Тортуги. Вот и все, капитан.

– Итак, мой брат погиб!.. – сказал корсар, и его спокойный голос был страшен.

– Я видел это, как вижу вас сейчас.

– И он, как видно, все еще висит на площади?

– Да! И провисит еще три дня.

– А потом его выбросят...

– Да, капитан.

Корсар вскочил с места и подошел к флибустьеру.

– Ведом ли тебе страх?.. – спросил он странным голосом.

– Я не боюсь самого дьявола, капитан.

– Тебе не страшна смерть?

– Нет.

– Ты последуешь за мной?

– Куда?

– В Маракайбо.

– Когда?

– Этой ночью.

– Пойдем на штурм города?

– Нет, для этого у нас пока недостает сил, но Ван Гульд еще услышит обо мне. Сейчас я отправлюсь туда с тобой и с твоим товарищем.

– Одни? – спросил Кармо с удивлением.

– Да, одни.

– Но что вы задумали?

– Мне нужно тело моего брата.

– Смотрите, капитан, не угодите в их руки сами.

– Да знаешь ли ты, кто такой Черный корсар?

– Гром и молния! Это самый храбрый из всех корсаров Тортуги.

- Тогда иди и подожди меня на мостике. Скажи, чтобы приготовили шлюпку.
- Не надо, капитан, у нас есть своя, это настоящая гоночная лодка.
- Отлично!

Глава 2

Отчаянная вылазка

Кармо бросился выполнять поручение, зная, что прославленный корсар не любит медлить.

Он нашел Ван Штиллера недалеко от люка, где тот разговаривал с боцманом и флибустьерами, расспрашивавшими его об ужасном конце Красного корсара и членов его команды. Моряки наперебой предлагали самые ужасные планы мести испанцам и прежде всего губернатору. Узнав, что приказано готовить шлюпку для возвращения на берег, откуда они чудом унесли ноги, гамбуржец не смог скрыть смущения и тревоги.

– Опять туда!.. – воскликнул он. – Да мы оставим там свою шкуру, Кармо.

– На этот раз мы будем не одни.

– Кто же поедет с нами?

– Черный корсар.

– А, в таком случае я не боюсь. Значит, мы вернемся в Маракайбо?

– Да, дорогой мой, и мы с тобой будем героями, если доведем это дело до конца...

Послушай, боцман, прикажи опустить в лодку три аркебузы, патроны, пару абордажных сабель и провиант. Никто не знает, что с нами может случиться.

– Все сделано, – ответил боцман. – Даже табак не забыт.

– Спасибо, друг. Ты боцман что надо.

– Вот он, – сказал в это время Ван Штиллер.

На мостике появился корсар. На нем было все то же траурное одеяние, но сбоку торчала длинная шпага, а за поясом виднелась пара больших пистолетов и острый испанский кинжал, прозванный «господи, спаси». На руке у него был накинута широкая плащ того же цвета, что и платье.

Он подошел к человеку, стоявшему на капитанском мостике, сказал ему несколько слов, а затем бросил краткое приказание обоим флибустьерам:

– Поехали.

– Мы готовы, – ответил Кармо.

Все трое спустились в лодку, пришвартованную к корме и уже снаряженную оружием и провиантом. Накинув на себя плащ, корсар сел на носу, а флибустьеры, взяв весла, с большим усердием стали совершать трудный маневр.

Корабль флибустьеров тут же погасил позиционные огни и, подняв паруса, поплыл за лодкой, не обгоняя ее. Помощник капитана, по всей вероятности, хотел проводить своего командира до берега, чтобы защитить в случае опасности.

Подперев голову рукой, корсар возлежал на носу лодки. Он был молчалив, но его взгляд, острый, как у орла, внимательно ощупывал темный горизонт, как бы пытаясь разглядеть южноамериканский берег, скрывавшийся во тьме.

Время от времени он поворачивал голову к кораблю, неотступно следовавшему за ним на расстоянии семи-восьми швартовых, потом снова устремлял свой взгляд на юг.

Ван Штиллер и Кармо тем временем работали, не покладая рук, заставляя легкую лодку птицей нестись по черным волнам. Ни тот, ни другой, казалось, ничуть не боялись вернуться на берег, населенный их заклятыми врагами, настолько они были уверены в храбрости доблестного корсара, державшего в страхе все приморские города Мексиканского залива.

Внутренние воды в заливе Маракайбо были гладкими, как масло. Это позволило гребцам идти быстрее вперед, не особенно налегая на весла. Волнение здесь вообще случается

редко, так как берега в этом месте, защищенном от высоких валов двумя мысами, невысоки, а подводные течения слабы.

Оба флибустьера гребли уже около часа, когда Черный корсар резко вскочил на ноги, словно желая охватить взглядом весь горизонт.

К юго-востоку у самой воды ежеминутно мигал огонек, который невозможно было принять за звезду.

– Маракайбо, – сказал корсар голосом, в котором слышался гнев.

– Да, – ответил Кармо, повернувшись в ту сторону.

– Сколько нам еще плыть?

– Около мили, капитан.

– Значит, к полуночи мы будем там?

– Да.

– Кто-нибудь ведет наблюдение с моря?

– Да. Таможенники.

– Надо их обойти.

– Мы знаем место, где можно спокойно высадиться и спрятать лодку в зарослях.

– Вперед!

– Одно слово, капитан.

– Говори.

– Было бы лучше, если бы ваш корабль дальше не шел за нами.

– Он уже лег на другой галс и будет ждать нас в открытом море, – ответил корсар.

Постояв в задумчивости несколько минут, он продолжал:

– Правда ли, что здесь ходит испанская эскадра?

– Да, капитан, эскадра адмирала Толедо охраняет Маракайбо и Гибралтар².

– Ах, так они боятся? Но Олоннэ на Тортуге, а вдвоем мы его потопим. Еще немного терпения, и скоро Ван Гульд узнает, на что мы способны.

Он снова завернулся в плащ, надвинул шляпу на глаза и вернулся на свое место, ни на минуту не спуская глаз со светлой точки портового маяка.

Лодка двинулась дальше, но теперь ее нос не был больше устремлен в сторону входа в гавань, так как моряки хотели ускользнуть от таможенной охраны, которая не преминула бы остановить лодку и арестовать всех находившихся в ней.

Через полчаса отчетливо вырисовался берег залива, так как до него оставалось не более трех-четырех швартовых. Берег отлого спускался в море, однако путь к нему преграждали заросли мангров – тропических растений, произрастающих преимущественно на отмелях и способствующих распространению vomito prieto – желтой лихорадки.

За ними виднелся густой лес, рассекавший звездное небо тяжелыми перистыми листьями огромных размеров.

Замедлив ход, Кармо и Ван Штиллер обернулись, чтобы посмотреть на берег. Они продвигались вперед с большой осторожностью, стараясь не делать шума и смотря по сторонам, словно опасаясь засады.

Черный корсар, напротив, оставался недвижим. Он лишь положил рядом с собой три ружья и готов был встретить огнем тех, кто осмелился бы к ним приблизиться.

Было около полуночи, когда лодка причалила к берегу, пробив себе дорогу среди тростника и кривых коряг.

Корсар выпрямился во весь рост, окинул быстрым взглядом берег, легко соскочил на землю и закрепил лодку среди кустов.

– Оставьте ружья в лодке, – сказал он Ван Штиллеру и Кармо. – У вас есть пистолеты?

² Название, употребляемое Э. Сальгари для обозначения одной из испанских крепостей на берегу Карибского моря.

– Да, капитан, – ответил Ван Штиллер.
– Вы знаете, где мы находимся?
– В десяти-двенадцати милях от Маракайбо.
– Город за этим лесом?
– На краю этих огромных зарослей.
– Сможем ли мы попасть в него сегодня ночью?
– Это невозможно, капитан. Чаша здесь настолько густая, что мы вряд ли выберемся из нее раньше чем завтра к утру.

– Так что нам придется выждать до завтрашнего вечера?
– Если вы не отважитесь появиться в Маракайбо днем, то лучше подождать.
– Идти в город днем было бы безрассудством, – сказал корсар как бы про себя. – Будь тут со мной мой корабль, я бы на это решился, но «Молниеносный» плавает сейчас в Великом заливе.

Несколько минут он стоял молча, неподвижно, словно погруженный в глубокие раздумья.

– А тело моего брата мы застанем еще на виселице? – спросил он наконец.
– Три дня его не будут убирать с площади Гранады, – ответил Кармо.
– Тогда время еще не потеряно. У вас есть знакомые в Маракайбо?
– Да, африканец, который дал нам лодку и помог скрыться. Он живет на опушке леса в одинокой хижине.

– Он нас не выдаст?
– Ручаюсь за него.
– Тогда в дорогу!

Они взобрались на берег. Кармо пошел впереди, за ним двинулся корсар, Ван Штиллер замыкал шествие. Все трое вошли в темную чашу. Они шли осторожно, напрягая слух и не снимая руки с пистолета. На каждом шагу могла быть засада.

Лес высился перед ними, словно свод мрачной пещеры. Стволы всевозможных форм и размеров возносили к небу огромные листья, совершенно скрывавшие звездное небо.

Вокруг свисали гирлянды лиан, которые переплетались самым причудливым образом, карабкались на пальмы и низвергались вниз, обвивая стволы деревьев и сплетаясь на земле с огромными корнями, немало мешавшими продвижению вперед трех флибустьеров и заставлявшими их делать обходы или пускать в ход абордажные сабли, чтобы проложить себе путь. Бледные отблески каких-то огромных светящихся точек, время от времени отбрасывавших настоящие лучи света, мелькали то у самой почвы, то среди листвы окружавших стволов. Они внезапно гасли, затем снова загорались, освещая все вокруг светом несравненной красоты, напоминавшим сияние волшебного фонарика.

Это были огромные южноафриканские светляки, так называемые бродячие огни, испускавшие столь яркий свет, что при нем можно было прочесть мелкий шрифт на расстоянии нескольких шагов.

С помощью трех-четырех таких светляков, помещенных в стеклянную банку, можно было бы осветить целую комнату. Среди них попадались и другие фосфоресцирующие насекомые, обитающие большими роями в лесах Гвианы и Эквадора – так называемые *lampyris occidentalis*, или тропические светляки.

В глубоком молчании три флибустьера продолжали углубляться в чашу, не забывая о необходимых предосторожностях, так как, помимо людей, им приходилось еще страшиться обитателей джунглей: кровожадных ягуаров и ядовитых змей, особенно жарараки – опаснейшей змеи, которую трудно различить даже днем, ибо она обладает кожей цвета засохших листьев.

Они прошли уже мили две, как вдруг Кармо, лучше всех знавший эти места и потому все время шедший впереди, резко остановился и поспешно взвел курок одного из своих пистолетов.

– Что там – ягуар или человек? – спросил корсар без малейшего страха.

– Может, ягуар, а может, и шпион, – ответил Кармо. – В этой стране ни за что нельзя поручиться.

– Где он прошел?

– Шагах в двадцати от меня.

Корсар наклонился к земле, внимательно прислушался, затаив дыхание. До него донесся легкий шорох листьев, однако он был настолько слаб, что только натренированный и острый слух мог его различить.

– Может, это зверь, – сказал он, выпрямляясь. – Ба!.. Мы ведь не робкого десятка. Сабли в руки – и за мной!

Зайдя за ствол огромного дерева, возвышавшегося среди пальм, он остановился в куще гигантских листьев и стал вглядываться в темноту.

Шороха сухих листьев не было больше слышно, однако до его слуха долетело металлическое позвякивание, и тут же раздался сухой щелчок, словно кто-то взвел курок.

– Стойте, – шепотом промолвил капитан, обернувшись к спутникам. – За нами кто-то следит и ждет подходящего момента, чтобы угостить нас пулей!

– Неужели нас заметили при высадке? – пробормотал с беспокойством Кармо. – У этих испанцев повсюду шпионы.

Держа в правой руке шпагу, а в левой – пистолет, корсар старался раздвинуть листья, не производя шума. Внезапно Кармо и Ван Штиллер увидели, как он устремился вперед и набросился на какую-то человеческую фигуру, неожиданно возникшую в кустах.

Нападение корсара было столь внезапным и стремительным, что человек, сидевший в засаде, полетел вверх тормашками от удара эфесом шпаги.

Кармо и Ван Штиллер стремительно бросились к незнакомцу; первый поспешил подхватить мушкет, который тот выпустил из рук, так и не успев разрядить его, второй, направив на него пистолет, приказал:

– Не двигаться, или я разmozжу тебе голову!

– Это один из наших врагов, – сказал, наклоняясь к нему, корсар.

– Солдат проклятого Ван Гульда... – ответил Ван Штиллер. – Зачем ты здесь прятался, хотел бы я знать?

Испанец, оглушенный ударом шпаги корсара, стал приходить в себя, пытаясь приподняться.

– Каррамба! – пробормотал он с дрожью в голосе. – Уж не угодил ли я в руки к дьяволу?

– Ты угадал, – сказал Кармо. – Вы ведь любите так называть нас, флибустьеров.

Испанец вздрогнул, и Кармо заметил это.

– Ничего пока не бойся! – засмеялся он. – Бояться будешь позже, когда мы попросим тебя сплясать фанданго с веревкой на шее. – Обернувшись к корсару, молча разглядывавшему пленника, он спросил его: – Прикончим его из пистолета?

– Нет, – ответил капитан.

– Вздернем на дереве?

– Не надо.

– А вдруг он из тех, кто вешал Береговых братьев и Красного корсара, мой капитан?

При этом напоминании грозная тень промелькнула в глазах Черного корсара, но тут же исчезла.

– Я не желаю его смерти, – сказал он глухо. – Живой он нам будет полезней.

– Тогда свяжем его покрепче.

Флибустьеры сняли красные шерстяные кушаки и связали ими руки пленника, не посмевшего оказать сопротивление.

– Посмотрим теперь, кто ты такой, – сказал Кармо.

Он зажег кусок фитиля, оказавшийся у него в кармане, и поднес его к лицу испанца.

Несчастному, угодившему в руки прославленных корсаров с Тортуги, было лет тридцать. Высокий и худой, он походил на своего земляка Дон Кихота; рыжеватая бородка обрамляла его грубое лицо, глаза были расширены от ужаса. Его наряд состоял из желтой кожаной куртки с узорами, коротких широких штанов в черную и красную полоску и высоких сапог из темной кожи. Голову прикрывал стальной шлем со старым, основательно пощипанным пером, на поясе висела длинная шпага, вставленная в заржавевшие с обоих концов ножны.

– Клянусь дьяволом, которому я служу!.. – воскликнул со смехом Кармо. – Если у губернатора Маракайбо все такие молодцы, то выходит, он не кормит их каплунами. Взгляните-ка, ведь он тощ, как селедка. Вздернуть его на сук будет легко.

– Я не велел его вешать, – повторил корсар. Дотронувшись до пленника кончиком шпаги, он приказал: – А теперь говори, если шкура тебе дорога.

– Шкуру вы все равно с меня спустите, – ответил испанец. – Скажу я вам все, что вы хотите, или не скажу, живым от вас не уйти!

– А испанец не трус, – заметил Ван Штиллер.

– Своим ответом он заслужил пощаду, – добавил корсар. – Ну, будешь ты говорить?

– Нет, – ответил пленник.

– Я обещал тебя пощадить.

– А кто вам поверит?

– Кто?.. Да знаешь ли ты, кто я такой?

– Флибустьер.

– Да, но зовут меня Черный корсар.

– Пресвятая Богородица Гваделупская! – воскликнул испанец, посинев от страха. – Черный корсар в этих местах!.. Вы явились, чтобы уничтожить всех нас и отомстить за вашего брата, Красного корсара?

– Да, если ты не будешь говорить, – ответил мрачно флибустьер. – Я уничтожу вас всех, а от Маракайбо не оставлю камня на камне.

– Por todos santos!³ Черный корсар здесь!.. – повторил пленник, не пришедший еще в себя от неожиданности.

– Говори!..

– Я погиб, и ничто меня не спасет.

– Да будет тебе известно, Черный корсар – рыцарь и умеет держать слово, – торжественно сказал капитан.

– Тогда спрашивайте.

³ Por todos santos! (исп.) – Ради всех святых!

Глава 3

Пленник

По знаку капитана Ван Штиллер и Кармо подняли пленного и усадили его под деревом. Они не стали развязывать его, хотя были уверены, что он не настолько безумен, чтобы попытаться бежать.

Корсар уселся напротив испанца на огромное сплетение корней, напоминавшее клубок змей, а оба флибустьера стояли в зарослях на страже: могло случиться, что пленник пришел не один.

– Отвечай мне, – проговорил корсар после недолгого молчания. – Тело моего брата все еще висит на площади?..

– Да, – ответил пленник. – Губернатор велел не снимать его три дня и три ночи, а потом бросить в джунгли на съедение диким зверям.

– Как ты думаешь, можно его похитить?

– Наверное. Ведь ночью площадь Гранады охраняет только один часовой; правда, повешенных там пятнадцать, но ведь они же не сбегут!

– Пятнадцать!.. – воскликнул мрачно корсар. – Значит, Ван Гульд не пощадил никого?

– Никого.

– И он не боится мести флибустьеров с Тортуги?

– В Маракайбо хватает пушек и солдат.

Презрительная улыбка скривила губы гордого корсара.

– Что пушки! Наши abordажные сабли стоят большего, вы это видели во время штурма Сан-Франциско-ди-Кампече, в Сан-Агостино во Флориде и в других местах.

– Верно, но в Маракайбо Ван Гульд чувствует себя в безопасности.

– Ах так!.. Посмотрим, как он запоет, когда я сговорюсь с Олоннэ.

– С Олоннэ!.. – воскликнул, весь трепеща от ужаса, испанец.

Корсар, казалось, не обратил внимания на испуг пленного, так как продолжал другим тоном:

– Что ты делал в лесу?

– Охранял побережье.

– Один?

– Да, один.

– Испанцы боятся нашего нападения?..

– Опасаются, потому что в заливе замечен подозрительный корабль.

– Чей? Мой?

– Раз вы здесь, то это, должно быть, ваш корабль.

– И губернатор поспешил, наверное, укрепиться.

– Более того, он послал надежных людей в Гибралтар, чтобы предупредить адмирала. На этот раз настал черед капитану содрогнуться от мрачных предчувствий.

– О! – воскликнул он; его лицо стало еще бледнее. – Так, значит, мой корабль в большой опасности! Впрочем, когда корабли адмирала подойдут к Маракайбо, я уже буду на борту «Молниеносного».

Он резко поднялся, свистом подозвал флибустьеров, стоявших в зарослях на карауле, и кратко приказал:

– В путь!

– А что делать с этим человеком? – спросил Кармо.

– Возьмем его с собой. Если он сбежит, вы ответите мне за него.

– Гром и молния! – воскликнул Ван Штиллер. – Я его буду держать за пояс, чтобы ему и в голову не пришло удариться в бег.

Они снова тронулись в путь, держась друг за другом. Кармо шел впереди, Ван Штиллер – сзади, стараясь ни на минуту не упустить из виду пленника.

Начало светать. Темнота быстро рассеивалась, прогоняемая розовым светом, разливавшимся по небу и проникавшим даже сквозь чащу гигантских деревьев.

Обезьяны, столь многочисленные в Южной Америке, особенно в Венесуэле, просыпаясь, наполняли джунгли странными криками.

На вершинах асай – грациозных пальм с тонким изящным стволом, в зеленой листве огромных эриодендронов, в зарослях сипосов – крупных лиан, вьющихся по стволу деревьев или цепляющихся за воздушные корни ароидных кустарников, на ветках роскошных бромелий, усыпанных пунцовыми цветами, – всюду можно было заметить ловко скачущих обезьян всевозможных пород.

Тут расположилось небольшое стадо мико – самых мелких и вместе с тем самых ловких и умных обезьянок, настолько миниатюрных, что их можно спрятать в карман пиджака; там бродило стадо львиных игрунок – обезьян чуть побольше белки, украшенных прекрасной гривой, делающей их похожими на маленьких львов; чуть поодаль виднелась группа мон – самых тощих на свете обезьян с такими длинными лапами, что они похожи на огромных пауков; еще дальше – компания макак, страдающих манией опустошения и наводящих ужас на бедных плантаторов.

Не было недостатка и в пернатых, крики которых смешивались с воплями обезьян. Среди огромных листьев помпонассы, идущих на изготовление прекрасных легких шляп, в рощах ларансий, усеянных цветами с острым душистым запахом, на кварезмах, стройных пальмах с пурпурными цветками, во весь голос распевали маленькие лори – разновидность попугаев с головой темно-синего цвета, раскачивались ара – крупные красные попугаи, с утра до вечера с упорством, достойным лучшего применения, без конца повторяющие: «Ара, ара...», стонали «плаксы», прозванные так за свой жалобный крик, напоминающий детский плач.

Путники не останавливались, чтобы полюбоваться цветами и птицами. Они шли быстро, отыскивали тропки, проложенные дикими зверями или местными жителями, стараясь поскорее выбраться из этого хаоса растительности и увидеть Маракайбо.

Корсар снова стал задумчив и мрачен, каким он был у себя на корабле или во время пирушек на Тортуге.

Завернувшись в широкий черный плащ, надвинув шляпу на глаза и не снимая левой руки с эфеса шпаги, хмурый, он шагал вслед за Кармо, не глядя ни на своих товарищей, ни на пленного, словно во всем мире был только он один.

Хорошо зная его привычки, флибустьеры остерегались задавать ему вопросы и отрывать его от размышлений. Самое большее, что они себе позволяли, – обменяться вполголоса между собой несколькими словами, чтобы посоветоваться куда идти. Чем дальше углублялись они в заросли гигантских сипосов, высоченных пальм, якарандо и массарадубов, тем больше они прибавляли шагу, то и дело вспугивая стаи пташек, называемых трохилидами, или птицей-мухой, и отличающихся красивым оперением переливчатого синего цвета и огненно-красным клювом.

Они шли уже около двух часов, все больше ускоряя шаг, как вдруг Кармо, поколебавшись минуту и оглядев внимательно деревья и почву, остановился и показал Ван Штиллеру на заросли кустов кухейры – растения с кожистыми листьями, издающими неясные звуки, когда дует ветер.

– Это здесь, Ван Штиллер? – спросил он. – Мне кажется, я не ошибаюсь.

Почти в тот же миг из кустов донеслись нежные, мелодичные звуки. Казалось, кто-то играл на флейте.

- Что это? – спросил корсар, внезапно подняв голову и откинув плащ.
- Это свирель Моко, – с улыбкой ответил Кармо.
- А кто такой Моко?
- Африканец, который помог нам бежать. Его хижина где-то здесь поблизости.
- А почему он играет?
- Видно, обучает своих питомцев.
- Он что, заклинатель змей?
- Да, капитан.
- Но его свирель может нас выдать.
- Я отберу ее, а змей пустим погулять в лесок.

Корсар сделал знак следовать дальше, но на всякий случай обнажил шпагу, словно опасаясь неприятного сюрприза.

Найдя едва заметную тропинку, Кармо стал пробираться сквозь кусты, но вдруг, остановившись, испустил вопль, в котором слышалось удивление, смешанное с отвращением.

Перед лачугой с плетеными стенами, с крышей, покрытой большими пальмовыми листьями и полускрытой ветвями кухейры – гигантского растения, дающего плоды, подобные тыкве, – сидел человек могучего телосложения. Это был один из лучших представителей африканской расы, ибо отличался высоким ростом, широкими и крепкими плечами, могучей грудью, мускулистыми руками и ногами, несомненно обладавший огромной силой.

Несмотря на мясистые губы, приплюснутый нос и выдающиеся скулы, его лицо не было некрасивым. В нем светилась доброта и детская наивность.

Сидя на бревне, он наигрывал на свирели, сделанной из тонкой бамбуковой тростинки. Он извлекал из нее долгие мягкие звуки удивительной нежности и красоты. А у его ног плавно извивались восемь или десять опаснейших пресмыкающихся.

Среди них было несколько жарарак – небольших змей табачного цвета со сплюснутой треугольной головой на тоненькой шее и настолько ядовитых, что индейцы называют их «проклятыми», несколько черных очковых змей, называемых также «ай-ай» и обладающих почти моментально действующим ядом, гремучие змеи, или змеи-колокольчики, несколько уруту – змей с крестовидными полосками на голове, чей укус вызывает паралич части тела, которой они коснулись.

Услышав возглас Кармо, африканец поднял огромные, блестящие, будто фарфоровые, глаза, устремил их на флибустьера, а затем, отняв свирель ото рта, произнес с удивлением:

– Это вы?.. Опять здесь?.. А я-то думал, что вы далеко в заливе и испанцам вас не достать!

– Да, это мы, но... черт меня побери, если я сделаю хоть шаг в присутствии этих отвратительных гадов, которые тебя окружают.

– Мои зверюшки не причиняют вреда друзьям! – ответил негр со смехом. – Подожди минутку, белый кум, я их отправлю спать.

Он взял корзину, сплетенную из листьев, положил в нее присмиривших змей и аккуратно закрыл ее, привалив для надежности большим камнем.

- Теперь можешь без страха войти ко мне в хижину, белый кум, – сказал он. – Ты один?
- Нет, я привел с собой капитана моего корабля, брата Красного корсара.
- Черного корсара?.. Он здесь?.. Маракайбо содрогнется от страха!..
- Тише, добрый мой брат. Предоставь в наше распоряжение твою хижину, и ты об этом не пожалеешь.

В это время появился корсар с пленным и Ван Штиллером. Он помахал рукой в знак приветствия африканцу, ожидавшему его возле хижины, а затем вошел в нее следом за Кармо.

– Так это и есть тот человек, который помог тебе бежать? – спросил он.

– Да, капитан.

– Он, наверное, ненавидит испанцев?

– Так же, как и мы.

– Он хорошо знает Маракайбо?

– Как мы – Тортугу.

Корсар обернулся, чтобы взглянуть на африканца. Восхищенный мощной мускулатурой этого сына Африки, он сказал как бы про себя:

– Вот человек, который может мне помочь.

Обведя взглядом хижину, он увидел в углу грубо сплетенный из веток стул. Сев на него, он снова погрузился в раздумье.

Тем временем хозяин хижины поспешил принести несколько лепешек из маниоки – муки, приготовляемой из некоторых ядовитейших корнеплодов, которые, однако, при измельчении и сушке теряют свои ядовитые свойства, плоды аноны мурикаты, похожие на зеленые шишки, содержащие под чешуйчатой кожурой нежнейший беловатый сок, и несколько дюжин каких-то душистых плодов золотистого цвета, очень приятных на вкус и питательных.

Ко всем этим яствам он добавил еще тыкву, наполненную «пульке» – своего рода брагой, изготовляемой из агавы.

Трое флибустьеров, у которых за всю ночь не было во рту и маковой росинки, отдали должное приготовленному завтраку. Пленнику тоже кое-что перепало. Затем они кое-как устроились на кучах свежих листьев, которые африканец принес в хижину, и спокойно заснули, будто ничто им не грозило.

Моко, которому белый кум поручил сторожить пленного, хорошенько его связал и встал на страже.

В течение всего дня никто из трех флибустьеров не пошевелил и пальцем, но, как только опустились сумерки, корсар резко поднялся.

Он был бледнее обычного, а в черных глазах поблескивали огоньки.

Два или три раза он торопливо обошел хижину, затем, остановившись перед узником, сказал:

– Я обещал тебя не убивать, хотя имел полное право вздернуть тебя на первом же дереве в лесу; теперь ты должен мне сказать, как мне незаметно прокрасться во дворец к губернатору.

– Вы собираетесь его убить в отместку за Красного корсара?

– Убить!.. – воскликнул гневно флибустьер. – Я боец, а не убийца, ибо я – рыцарь. Вызвать его на дуэль куда ни шло, а убивать исподтишка – это не по мне.

– Губернатор стар, а вы молоды, и вам не удастся войти к нему в спальню не замеченным множеством солдат, которые его охраняют.

– Я знаю, что он смел.

– Да, как лев.

– Ну, тогда все в порядке, я надеюсь скоро с ним увидеться.

Обернувшись к флибустьерам, он сказал Ван Штиллеру:

– Ты останешься здесь охранять этого человека.

– Но с него достаточно африканца, капитан.

– Нет, африканец силен, как Геркулес, и он мне понадобится, чтобы нести тело моего брата. Пойдем, Кармо, выпьем по бутылочке испанского винца в Маракайбо.

- Тысяча акул!.. В такую-то темь, капитан!.. – воскликнул Кармо.
- А ты никак трусишь?
- Да с вами я готов хоть в преисподнюю, хоть к черту на рога, но боюсь, что вас схватят. Насмешливая улыбка искривила тонкие губы корсара.
- Посмотрим, – сказал он. – Идем же!

Глава 4

Дуэль

Маракайбо, население которого не превышало десяти тысяч душ, был в то время одним из наиболее важных городов, которыми Испания владела на побережье Карибского моря.

Расположенный в прекрасном месте, в южной оконечности залива Маракайбо, соединяющегося проливом с обширным озером того же названия, на много миль вдающимся в глубь континента, Маракайбо быстро превратился в важнейший центр вывоза ценного сырья из Венесуэлы.

Испанцы, постоянно боявшиеся неожиданных нападений бесстрашных флибустьеров с Тортуги, снабдили его мощными укреплениями, вооружили огромным числом пушек, а на двух островах, защищающих город с моря, разместили сильнейшие гарнизоны.

Высадившиеся на этих берегах искатели приключений построили себе прекрасные дома; там и сям виднелись дворцы, воздвигнутые архитекторами, прибывшими из Испании на поиски легкого заработка в Новом Свете. Особенно много было злочных мест, где собирались богатые владельцы рудников и где в любое время года танцевали фанданго или болеро.

Когда корсар в сопровождении своих верных товарищей – Кармо и африканца – беспрепятственно проник в Маракайбо, улицы города были еще оживлены, а в тавернах, где торговали заокеанскими винами, было полно народу, ибо испанцы не отказывались и в колониях пропустить стакан отличного вина из родной Малаги или Хереса.

Корсар замедлил шаг. Закутавшись в плащ, несмотря на летнюю жару, и гордо опираясь на эфес шпаги, он внимательно рассматривал из-под низко опущенной шляпы улицы и дома, словно хотел запечатлеть их в своей памяти.

Дойдя до площади Гранады, составлявшей центр города, отважный капитан остановился на углу улицы и прислонился к стене дома, словно почувствовал внезапную слабость.

Зрелище, представшее его глазам на площади, было так страшно, что и у самого смелого человека на свете невольно поползли бы мурашки по коже.

На пятнадцати виселицах, стоявших полукругом возле дворца, на котором развевался испанский флаг, висело пятнадцать человеческих тел.

Все повешенные были босы, в рваных одеждах, и лишь на одном был огненно-красный костюм и высокие морские сапоги.

Все пятнадцать виселиц кишмя кишели каракарами и грифами-уруббу – небольшими хищными птицами с черным оперением, несущими «санитарную службу» в городах Центральной Америки, которые, казалось, только и ждали, когда трупы несчастных начнут разлагаться, чтобы наброситься на них с остервенением.

Кармо приблизился к корсару и горестно ему сказал:

– Вот наши товарищи.

– Да, – ответил глухо корсар. – Они требуют отмщения, и скоро оно совершится.

С трудом оторвавшись от стены и склонив голову на грудь, словно стараясь скрыть ужасное волнение, искажившее его лицо, он быстро зашагал прочь, вошел в посадку – что-то вроде трактира, где обычно собираются полуночники, чтобы на свободе попить винца.

Найдя свободный столик, он рухнул на скамью, так и не подняв головы, в то время как Кармо загорланил:

– Бокал лучшего хереса, какой только найдется в этой дыре! Не вздумай, хозяин, напоить нас какой-нибудь дрянью, не то я оторву тебе уши!.. Морской воздух требует промочить глотку, и я способен опустошить весь твой погреб!..

Эти слова, произнесенные на чистом баскском диалекте, заставили слугу более чем поспешно принести бутылку отличного испанского вина.

Кармо наполнил три стакана, но корсар настолько погрузился в свои думы, что не подумал дотронуться до своего.

– Тысяча акул, – пробормотал Кармо, толкая африканца локтем. – Хозяин глядит мрачнее тучи, и я не хотел бы очутиться на месте испанцев. По правде говоря, только храбрец осмелится прийти сюда, а он, видать, совсем ничего не боится.

Кармо поглядел вокруг не без опаски, и его глаза встретились со взглядом пятерых или шестерых парней, вооруженных огромными складными ножами-навахами, которые пристально его разглядывали.

– Сдается мне, что они нас слушают, – сказал он африканцу. – Кто это такие?

– Баски, что на службе у губернатора.

– Земляки под чужим флагом. Ба, если они думают, что запугают меня своими навахами, то они глубоко ошибаются!

Тогда парни, побросав сигары, которые они курили, и, промочив горло несколькими стаканами малаги, стали переговариваться между собой так громко, что все слова отчетливо долетали до Кармо.

– Видали повешенных? – спросил один из них.

– Я и сегодня вечером ходил взглянуть на них, – ответил другой. – Как не полюбоваться на этих каналий!.. От одного из них, того и гляди, помрешь со смеху: у него язык висит чуть не до подбородка.

– Это у Красного корсара? – спросил третий. – Ему сунули в рот сигару, чтобы сделать его посмешнее.

– А я хочу дать ему зонтик, чтобы завтра у него было чем укрываться от солнца. Тогда повеселимся!

Громовой удар кулаком по столу, от которого задребезжали стаканы, прервал говорившего.

Не в силах сдержаться, Кармо еще до того, как Черный корсар успел вмешаться, вскочил на ноги и со всего маху обрушил на соседний стол свой мощный кулак.

– Rayos de dios!⁴ – вскричал он. – Много ли надо, чтобы издеваться над павшими, куда как лучше посмеяться над живыми, мои дорогие caballeros!⁵

Пятеро собутыльников, пораженные внезапным взрывом ярости незнакомца, поспешно встали, держась рукой за свои навахы, затем один из них, несомненно самый смелый, спросил у него сердито:

– А вы-то кто будете?

– Добрый баск, почитающий мертвых, которому ничего не стоит пропороть брюхо живому.

При этих словах, показавшихся пустым бахвальством, пятеро парней громко рассмеялись, чем еще больше разъярили флибустьера.

– Ах так? – сказал он, бледнея от гнева.

Бросив взгляд на неподвижно сидевшего корсара, которого, казалось, ничуть не трогала ссора, Кармо с силой толкнул вопрошавшего и крикнул ему в лицо:

– Морской волк не пощадит сухопутного волчонка!..

Оскорбитель повалился на стол, но тут же вскочил на ноги, выхватил нож из-за пояса и мгновенно раскрыл его.

⁴ Rayos de dios! (исп.) – Черт возьми!

⁵ Caballeros (исп.) – кабальеро.

Он готов был броситься на Кармо и разорвать его на куски, но тут африканец, до той поры остававшийся простым зрителем, бросился по знаку корсара между противниками, угрожающе размахивая тяжелым стулом.

– Стой, или я разможжу тебе голову! – крикнул он вооруженному парню.

При виде чернокожего гиганта пятеро басков попятились назад, дабы не оказаться в пределах досягаемости стула, описывавшего угрожающие круги.

Пятнадцать-двадцать посетителей таверны, находившиеся в соседней комнате, сбежали на шум. Впереди всех оказался громадный мужчина, вооруженный шпагой. У него был поистине разбойничий вид: на ухо съехала шляпа, украшенная перьями, грудь прикрывал потрепанный кожаный панцирь из Кордовы.

– Что тут происходит? – грубо спросил он, вытаскивая шпагу жестом трагического актера.

– А то, мой дорогой кабальеро, – ответил Кармо, отвешивая шутовской поклон, – что вас совсем не касается.

– Ну, как бы не так! – вскричал здоровяк. – Видать, вы не знаете, кто такой дон Гамара и Миранда, граф Бадайосский, камарчасский дворянин и виконт...

– ...преисподней, – добавил Черный корсар, внезапно поднимаясь и пристально глядя на забияку. – Не так ли, кабальеро, граф, маркиз, герцог и тому подобное?

Дворянин из Гамары, а также владелец многих других поместий, стал красным, как рак, затем побледнел, как смерть.

– Клянусь ведьмами преисподней! – выругался он хриплым голосом. – Вряд ли я удержусь от того, чтобы не отправить вас к праотцам, дабы этому псу Красному корсару и его четырнадцати прохвостам, что болтаются на площади Гранады, не было так скучно.

На этот раз страшно побледнел корсар. Мановением руки он удержал Кармо, готового кинуться к проходимцу, сбросил с себя плащ и шляпу и быстрым движением обнажил шпагу.

– Сам ты пес, – сказал он дрожащим от ярости голосом, – и не мне, а твоей ничтожной душонке придется отправиться развлекать повешенных на площади!

Жестом приказав освободить место, корсар двинулся навстречу врагу. Уверенно и ловко став в позицию, он привел в замешательство авантюриста.

– Смелей, ваше сатанинское величество! – процедил корсар сквозь зубы. – Смерти осталось немного вас ждать.

Проходимец стал в позицию, но внезапно выпрямился и сказал:

– Одну минуту, кабальеро. Когда скрещаются шпаги, каждый имеет право знать имя своего противника.

– Я гораздо благороднее тебя, этого достаточно?

– Нет, я хочу знать ваше имя.

– Ну что ж, тем хуже для тебя, ибо с ним ты отправишься в тартарары.

Подойдя к нему, корсар сказал ему на ухо несколько слов. Забияка вскрикнул не то от изумления, не то от ужаса. Он попятился назад, словно собираясь спрятаться за спиной у зрителей и поведать им ужасную тайну, но Черный корсар стал быстро насаждать на него, заставив защищаться.

Посетители таверны образовали широкий круг вокруг сражающихся. Африканец и Кармо стояли в первых рядах, но, по всей видимости, не особенно беспокоились за исход битвы. Это особенно относилось к последнему, который знал, на что способен отважный корсар.

Зарвавшийся забияка с первых же ударов почувствовал, что имеет дело с опытейшим противником, решившим покончить с ним при первом же промахе. Пустив в ход все свое умение, он изо всех сил старался отразить сыпавшиеся на него удары.

Однако самозванный граф был неплохим фехтовальщиком. Благодаря своему высокому росту, крепкому телосложению, уверенной хватке и сильным рукам он мог долго сопротивляться, и было ясно, что его не так-то легко измотать.

Ловкий, подвижный корсар, точно реагирующий на любое движение противника, не давал ему, однако, ни минуты покоя.

Шпага корсара постоянно угрожала противнику, заставляя его то и дело уходить в защиту. Сверкающее острие мелькало повсюду: оно то с силой высекало искры из шпаги врага, то молниеносно устремлялось к его груди, вселяя в него ужас.

Спустя две минуты наш задира, несмотря на свою почти что геркулесову силу, начал пыхтеть и понемногу сдавать. Он уже не мог парировать все удары корсара и потерял свою прежнюю самоуверенность. Он понимал, что его жизнь подвергается серьезной опасности и что ему, возможно, на самом деле придется составить компанию повешенным с площади Гранады.

Корсар же, казалось, только что обнажил свою шпагу. Он наседа на противника с ловкостью ягуара, подавляя его своей растущей агрессивностью. Один лишь его взгляд, горевший мрачной яростью, выдавал состояние его души.

Корсар ни на минуту не спускал глаз с противника, словно стараясь заморозить его взглядом и сломить его силу. Зрители раздвигались все шире, пропуская зачинщика драки, который все дальше отступал, приближаясь к противоположной стене. Кармо, все время стоявший в первом ряду, начал уже посмеиваться, предвидя развязку этой ужасной дуэли.

Внезапно силач очутился прижатым к стене. Он страшно побледнел, крупные капли пота покрыли его лицо.

– Довольно!.. – прохрипел он измученным голосом.

– Нет, – ответил мрачно корсар. – Моя тайна должна погибнуть вместе с тобой.

Тогда противник решился на отчаянную выходку. Сжавшись в комок, он внезапно бросился вперед, нанося налево и направо беспорядочные удары.

Недвижный, как скала, корсар отразил их с одинаковым хладнокровием.

– Ну, а теперь я проткну тебя, – сказал он.

Понимая, что все пропало, проходимец вне себя от ужаса принялся кричать:

– На помощь!.. Это Чер...

Но слова замерли у него в глотке. Шпага корсара пронзила ему грудь, пригвоздив его к стенке и оборвав незаконченную фразу.

Кровь хлынула у него из горла, залив кожаный панцирь, который не спас авантюриста от смерти. Страшно вытаращив глаза, он уставился на своего противника стеклянным взором, в котором не угас еще ужас, и тяжело рухнул наземь, сломав пополам клинок, удерживавший его у стены.

– Преставился, – сказал насмешливо Кармо.

Склонившись над трупом, он вырвал у него из рук шпагу и, протянув ее капитану, мрачно смотревшему на искателя приключений, сказал ему:

– Поскольку ваша сломалась, возьмите эту. Черт возьми!.. Это настоящая толедская сталь, уверяю вас, сеньор.

Не говоря ни слова, корсар принял шпагу побежденного, взял свой плащ и шляпу, бросил на стол золотой дублон и вышел из таверны в сопровождении африканца и Кармо. Никто из посетителей таверны не двинулся с места.

Глава 5

Повешенный

Когда корсар и оба его спутника прибыли на площадь Гранады, там было настолько темно, что невозможно было разглядеть человека на расстоянии двадцати шагов.

На площади царила глубокая тишина, нарушаемая лишь траурным криком нескольких уруб, несших свою вахту на виселицах пятнадцати повешенных. Не было слышно даже шагов часового, расхаживавшего перед дворцом губернатора, мрачно возвышавшимся перед виселицами.

Прижимаясь к стенам или прячась за стволами пальм, корсар, Кармо и африканец медленно продвигались вперед. Прислушиваясь к каждому долетавшему до них звуку, они вглядывались в темноту и не выпускали оружия из рук, стараясь как можно незаметнее подобраться к казненным.

Время от времени, когда на обширной площади раздавался какой-нибудь подозрительный шум, они замирали в тени пальм или под навесом какой-нибудь двери, тревожно дожидаясь, когда на площади вновь воцарится тишина.

Они были уже в нескольких шагах от первой виселицы, на которой болтался какой-то полуобнаженный бедняк, раскачиваемый ночным ветром, как вдруг корсар указал товарищам на чью-то тень, маячившую возле дворца губернатора.

– Тысяча акул!.. – пробормотал Кармо. – Часовой!.. Он испортит все дело.

– Да, но у Моко силенки еще не иссякли, – сказал африканец. – Я притащу вам этого солдата.

– И заработаешь пулю в живот, дружище.

Африканец ухмыльнулся, обнажив два ряда крепких, как из слоновой кости, острых зубов, и ответил:

– Моко хитер и умеет ползать не хуже змей, которых он дрессирует.

– Тогда иди, – сказал корсар. – Прежде чем спорить, хочу посмотреть, на что ты способен.

– Вы не пожалеете, хозяин. Он дастся мне в руки не хуже кайманов, за которыми я охочусь в лагуне.

Сняв с пояса тонкий шнур из плетеной кожи, который оканчивался петлей и напоминал настоящее лассо, применяемое мексиканскими *vagueros*⁶ для отлова быков, он молча удалился без малейшего шума.

Корсар внимательно следил за ним из-за ствола пальмы, восхищаясь отвагой африканца, почти безоружным решившего пойти на хорошо вооруженного часового, который наверняка окажет ему сопротивление.

– Молодец! – сказал Кармо.

Корсар утвердительно кивнул головой, но не произнес ни слова. Он продолжал следить за африканцем, который змеей извивался по земле, медленно приближаясь к дворцу губернатора.

В это время солдат, дойдя до угла, повернул и пошел к главному входу. Он был вооружен алебардой и шпагой, болтавшейся сбоку.

Видя, что часовой повернулся к нему спиной, Моко пополз быстрее, не выпуская из рук лассо. Когда до солдата оставалось не более двенадцати шагов, он быстро вскочил на ноги, два или три раза взмахнул веревкой и затем уверенно пустил ее вперед. Послышался

⁶ *Vagueros (исп.)* – мексиканские пастухи.

легкий свист, затем приглушенный крик, и солдат рухнул наземь, выпустив из рук алебарду и отчаянно болтая в воздухе руками и ногами.

Плотно заткнув часовому рот кушаком, Моко крепко связал его и взвалил себе на плечи. Через несколько секунд он был уже возле капитана.

– Вот, – сказал он корсару, сваливая пленника к его ногам.

– Молодец, – похвалил его корсар. – Привяжи его к дереву и следуй за мной.

Африканец с помощью Кармо выполнил приказание, затем оба догнали корсара, не спускавшего глаз с качавшихся на виселице.

Дойдя до середины площади, капитан остановился перед одним из казненных, одетым в красную куртку, у которого, словно в насмешку, изо рта торчал окуроч сигары.

При виде его корсар испустил крик ужаса.

– Проклятье! – воскликнул он. – Они не щадят даже мертвых...

Послышалось его глухое рыдание.

– Синьор, – сказал Кармо взволнованно, – возьмите себя в руки.

Корсар указал ему на повешенного.

– Сию минуту, капитан, – ответил Кармо.

Зажав в зубах нож, африканец вскарабкался на виселицу. Одним взмахом перерезав веревку, он опустил тело на землю.

Кармо ждал его внизу. Флибустьер осторожно принял тело Красного корсара и завернул в черный плащ, протянутый капитаном.

– Пошли, – сказал со вздохом корсар. – Пусть теперь океан примет храбреца...

Африканец взял казненного на руки, прикрыл хорошенько плащом, затем все трое в тягостном молчании покинули площадь.

Дойдя до конца площади, корсар оглянулся в последний раз на четырнадцать повешенных, чьи тела мрачно чернели в ночи, и грустно сказал:

– Прощайте, бесстрашные храбрецы, прощайте, друзья Красного корсара!.. Скоро мы отомстим за вас... – Устремив горящий взор на дворец губернатора, возвышавшийся в глубине площади, он мрачно добавил: – Между мной и тобой, Ван Гульд, стоит смерть!..

Они пустились в путь, стараясь как можно скорее выбраться из Маракайбо и вернуться к себе на корабль. Их ничто больше не удерживало в этом городе, на улицах которого после ссоры в таверне они не чувствовали себя в безопасности.

Флибустьеры прошли уже три или четыре пустынных переулочка, как вдруг Кармо, шедшему впереди, показалось, что в темной подворотне одного из домов кто-то прячется.

– Не торопитесь, – прошептал он, обращаясь к товарищам. – Если зрение меня не обманывает, то нас, кажется, кое-кто поджидает.

– Где? – спросил корсар.

– Там, внизу.

– Быть может, те же пьянчуги из таверны?

– Тысяча акул! Неужели опять пятеро басков с навахами?

– Пятеро нам не страшны, и они еще пожалеют, что устроили нам засаду, – сказал корсар, обнажая шпагу.

– Моя абордажная сабля живо притупит их навахи, – сказал Кармо.

Трое мужчин, закутанных в широкие плащи с бахромой, вышли из подворотни и заняли проход справа, а двое других, до поры прятавшиеся за оставленной кем-то телегой, преградили путникам дорогу слева.

– Это баски, – сказал Кармо. – Я вижу, как блестят навахи у них на поясе.

– Займись-ка двумя слева, а я возьму на себя троих справа, – сказал корсар. – А ты, Моко, не беспокойся о нас и ступай прочь со своей ношей. Дождись нас на опушке леса.

Пятеро басков сняли плащи и, сложив их вчетверо, набросили на левую руку. Затем каждый открыл нож, острый, как клинок шпаги.

– Ого! – сказал один из них, которого Кармо толкнул в таверне. – Видать, мы не ошиблись, это они и есть!

– Подите прочь! – закричал корсар, шедший впереди своих товарищей.

– Не торопитесь, кабальеро, – сказал один из басков, выступая вперед.

– Чего тебе надо?

– Выяснить одну мелочь, которая не дает нам покоя.

– А именно?

– Мы хотели бы знать, кто вы такой, кабальеро.

– Человек, убивающий всех, кто встает у него на пути, – ответил корсар, наступая на баска со шпагой в руках.

– Тогда я вам скажу, кабальеро, что вы имеете дело с людьми, не ведающими страха, и вам не удастся расправиться с нами, как с тем беднягой, которого вы пригвоздили к стене. Ваше имя и ваше звание, иначе вы не уйдете живым из Маракайбо! Мы находимся на службе у господина губернатора и хотим знать, что за люди разгуливают по улицам в столь поздний час!

– Вам не терпится узнать мое имя, так подойдите поближе, я вам его скажу, – сказал корсар, живо становясь в позицию. – Те двое слева за тобой, Кармо.

Вытащив абордажную саблю, флибустьер перешел в решительное наступление на обоих противников, преграждавших путь с противоположной стороны.

Пятеро басков не двигались с места, ожидая нападения обоих флибустьеров. Они твердо стояли на слегка расставленных ногах, готовые к любым неожиданностям. Уперев левую руку в бок и зажав в правой рукоятку навахи, так что ее клинок прижимался указательным пальцем, баски выжидали подходящего момента, чтобы поразить противника насмерть.

Должно быть, это были так называемые «дъестрос», или «смельчаки», которым вряд ли были незнакомы такие прославленные удары, как «javeque» – позорящий противника удар по лицу, или ужасный «desjarretazo» – удар, которым разят противника сзади, под последнее ребро, перерубая ему позвоночник.

Видя, что баски не решаются перейти в наступление, корсар обрушился на трех противников, стоявших перед ним. С молниеносной быстротой он наносил удары направо и налево, в то время как Кармо наседали на двух других.

Но и те пятеро не растерялись. Необыкновенно подвижные, они отступали назад, отражая удары то широкими клинками своих ножей, то мягкими плащами, намотанными на левую руку.

Оба флибустьера стали действовать осторожнее, поняв, что имеют дело с опасными противниками.

Заметив, однако, что африканцу с ношей удалось проскользнуть мимо сражающихся и скрыться в потемках, они вновь яростно накинулись на врагов, торопясь покончить с ними еще до того, как какой-нибудь ночной дозор, привлеченный бряцанием оружия, не придет на помощь баскам.

Корсар, шпага которого была намного длиннее навахи, а искусство фехтования несравненно, находился в выгодном положении, в то время как Кармо приходилось все время быть настороже, ибо его сабля была коротка.

Все семеро сражались ожесточенно и молча. Противники наступали и отступали, отскакивая то вправо, то влево. Клинки высекали искры.

Заметив, что один из трех противников потерял равновесие и сделал неверный шаг, корсар изловчился и нанес ему в приоткрытую грудь молниеносный удар.

Удар попал в цель, и солдат беззвучно повалился наземь.

– Один готов, – сказал корсар, обращаясь к другим. – Скоро дойдет очередь и до вас!

Ничуть не испугавшись, оба баска спокойно стояли перед ним, не отступая ни на шаг. Неожиданно самый ловкий из них бросился к корсару, пригибаясь к земле и выставив вперед плащ, прикрывавший руку. Казалось, он хотел нанести удар снизу. Но тут он внезапно разогнулся и, наклонившись в сторону, попытался нанести смертельный удар – *desjarretazo*.

Корсар живо отпрыгнул в сторону и тут же устремился вперед, но, как назло, его шпага запуталась в плаще солдата.

Он собирался вернуться в прежнюю позицию, чтобы отразить удары, сыпавшиеся со стороны другого баска, но вдруг яростно вскричал. Клинок его шпаги сломался пополам, наткнувшись на руку солдата, собиравшегося разрубить его на куски.

Размахивая обрубок шпаги, корсар отскочил назад.

– Ко мне, Кармо! – позвал он.

Флибустьер, которому все еще не удалось избавиться от своих двух противников, хотя он их и оттеснил до угла улицы, в три прыжка оказался рядом с капитаном.

– Тысяча акул! – вскричал он. – В веселенькое дело мы влипли!.. Нам крупно повезет, если мы избавимся от этих бешеных собак.

– Спустим-ка шкуру с этих двух негодяев, – ответил корсар, поспешно хватаясь за пистолет, висевший у него на ремне.

Он уже собирался выстрелить в ближайшего из двух, как вдруг увидел, что над сгрудившимися вокруг них басками возникла чья-то гигантская тень.

В руках у человека, подоспевшего так вовремя, была огромная дубина.

– Моко! – воскликнули разом корсар и Кармо.

Вместо ответа африканец замахнулся дубиной и так яростно принялся колотить противников, что в мгновение ока эти несчастные повалились на землю: кто с разбитой головой, кто с переломанными ребрами.

– Спасибо, кум!.. – вскричал Кармо. – Гром и молния!.. Вот это удар так удар!..

– Бежим! – сказал корсар. – Здесь нам нечего больше делать.

Пробужденные стоном раненых, жители улицы распахивали окна.

Отделавшись от пятерых забияк, оба флибустьера и африканец поспешно завернули за угол улицы.

– Где ты оставил брата? – спросил корсар у африканца.

– Он уже за городом, – ответил тот.

– Спасибо тебе за помощь.

– Я подумал, что вам нужна будет подмога, и поспешил вернуться.

– Много народу на окраине?

– Я никого не встретил.

Они собирались было уже двинуться в путь, когда возвратился Кармо, вышедший на разведку в одну из боковых улиц, и сказал:

– Капитан, сюда идет патруль!..

– Откуда?

– Из этой улочки.

– Так пойдем по другой. Оружие в руки и вперед, мои храбрецы!.. Возьми оружие убитого баска; когда нет ничего другого, сгодится и наваха.

– С вашего позволения, капитан, я предложу вам свою саблю, ведь мне не впервой управляться баскским ножом.

Храбрый моряк вручил корсару свою саблю, затем, вернувшись назад, вытащил из рук одного из басков наваху – оружие, которым он владел отлично.

Патрульный отряд быстро к ним приближался. Быть может, солдаты услышали крики сражавшихся, скрежет оружия и теперь спешили на помощь.

Послав вперед Моко, флибустьеры бросились бежать вдоль улицы, но шагов через полтора сновa слышался мерный шаг патруля.

– Черт возьми! – воскликнул Кармо. – Похоже, что они зажмут нас в клещи.

Черный корсар остановился, сжимая в руке короткую саблю флибустьера.

– Неужели нас предали?.. – пробормотал он.

– Капитан, – сказал африканец, – к нам приближаются восемь человек, вооруженные алебардами и мушкетами.

– Друзья! – воскликнул корсар. – Нам ничего не остается, как биться до последнего дыхания.

– Скажите, что нам делать, и мы готовы, – решительно ответил флибустьер, и африканец поддержал его.

– Моко!

– Слушаю, хозяин!

– Доставь на корабль тело моего брата. Сможешь ты это сделать? Наша шлюпка спрятана на берегу залива, и ты уйдешь на ней вместе с Ван Штиллером.

– Хорошо, капитан.

– Мы сделаем все возможное, чтобы избавиться от наших врагов, но если нам не повезет, то Морган знает, что делать. Отвези тело на корабль и возвращайся сюда узнать, живы ли мы.

– Я не решаюсь оставить вас, хозяин: я силен и могу вам пригодиться.

– Для меня важнее всего, чтобы мой брат был погребен в море, как Зеленый корсар. Ты окажешь мне более важную услугу, если отправишься на борт моего «Молниеносного», чем если останешься здесь.

– Я вернусь с подкреплением, сеньор.

– Морган подоспеет, я в этом уверен. Ступай. А вот и патруль.

Африканец не заставил просить себя дважды. Он бросился в боковую улочку, кончающуюся глухой стеной, ограждавшей чей-то сад.

Убедившись, что африканец исчез, корсар сказал флибустьеру:

– Приготовься напасть на солдат. Если внезапная атака принесет нам успех, может быть, мы сумеем выбраться за город и скрыться в лесу.

Оба флибустьера притаились на углу улицы. Второй патруль был не дальше чем в тридцати шагах. Первого же еще не было видно. Скорей всего, он где-то задержался.

– Будь наготове, – сказал корсар.

– Я готов, – ответил флибустьер, прячась за углом дома.

Восемь алебардщиков замедлили шаг, словно опасаясь засады. Один из них, скорее всего командир, сказал:

– Осторожней, ребята! Эти негодяи, должно быть, где-то поблизости.

– Но нас ведь восемь, сеньор Эльваэс, – ответил один из солдат, – а хозяин таверны сказал нам, что флибустьеров всего только трое.

– Ах, негодяй! – пробормотал Кармо. – Он нас предал! Попадись он мне в руки, я ему продырявлю брюхо так, что из него вытечет все вино, выпитое за неделю.

Черный корсар поднял саблю, готовясь ринуться на противника.

– Вперед!.. – крикнул он.

Оба флибустьера ринулись на патруль, только что собиравшийся завернуть за угол. С молниеносной быстротой они принялись наносить удары налево и направо.

Застигнутые врасплох, алебардщики разбежались в разные стороны.

А когда они пришли в себя, корсар и его товарищ были уже далеко. Заметив, однако, что они имели дело всего лишь с двумя пиратами, солдаты бросились вслед за беглецами, крича что есть мочи:

– Держите их! Пираты! Пираты!..

Корсар и Кармо бежали изо всех сил, не отдавая себе отчета, где они находятся. Запутавшись в лабиринте улочек и петляя по ним, они никак не могли выбраться за город.

Жители, разбуженные криками патруля и встревоженные присутствием в городе отчаянных флибустьеров, наводивших страх на все испанские города Америки, пробудились и стали выглядывать наружу, с шумом распахивая окна и двери. Кое-где прогремели ружейные выстрелы.

Положение беглецов становилось все более отчаянным. Выстрелы и крики могли поднять тревогу в центре города и разбудить весь гарнизон.

– Гром и молния!.. – восклицал Кармо, напрягая последние силы. – Весь этот гогот напуганных гусей будет нам стоить шкуры... Если мы не сумеем выбраться в поле, нам не миновать крепкой веревки на шею!

Не сбавляя скорости, оба беглеца влетели наконец в какую-то улочку, которая кончалась, по-видимому, тупиком.

– Капитан! – вскричал Кармо, бежавший впереди. – Мы попали в ловушку. Из этой улицы нет выхода.

– Так, может быть, перелезем через забор?

– Вокруг только дома, и довольно высокие.

– Вернемся, Кармо, – преследователи еще далеко, – и отыщем какой-нибудь другой путь, который выведет нас за город.

Корсар уже снова собирался продолжить бег, как вдруг внезапно переменил решение:

– Нет, Кармо! Я думаю, что мы проведем их.

Корсар быстро направился к дому, замыкавшему выход на улицу. Это было скромное двухэтажное жилище, частично сложенное из бревен, частично из кирпича, с небольшой терраской наверху, украшенной цветочными горшками.

– Кармо, – сказал корсар, – открой эту дверь.

– Мы укроемся в доме?

– Это лучшее, что можно сделать, чтобы сбить с толку преследователей.

– Отлично, капитан. Мы станем домовладельцами, не платя ни гроша за аренду.

Вставив острие навахи в щель между створками двери, Кармо с силой налег на нее. Защелка отскочила, и дверь распахнулась.

Оба флибустьера поспешили войти, захлопнув за собой дверь. В это время в начале улицы появились солдаты.

– Держите их! Держите их!.. – кричали они во все горло.

Шаря в потемках, оба флибустьера добрались до лестницы, по которой поднялись до второго этажа.

– Надо взглянуть, сколько здесь комнат, – сказал Кармо, – и кто в них живет. Ну и сюрприз ждет этих бедняг!

Вынув огниво и кусок пушечного фитиля, он высек огонь и раздул пламя.

– Глядите-ка! Открыта дверь, – сказал Кармо.

– И кто-то храпит, – добавил корсар.

– Это хорошая примета!.. Тот, кто спит, всегда мирно настроен.

Корсар тем временем распахнул дверь, стараясь не производить шума. Войдя в скромно обставленную комнату, он увидел постель, на которой кто-то спал.

Поднеся фитиль к свече, стоявшей на старом ящике, служившем, видимо, комодом, он зажег ее. Затем, подойдя к кровати, он решительно сдернул одеяло.

В кровати лежал человек. Это был лысый, морщинистый старикан с дряблой кожей кирпичного цвета, козлиной бородкой и закрученными вверх усами. Он спал так сладко, что не заметил, что в комнате зажгли свет.

– Этот человек не доставит нам хлопот, – сказал корсар.

Схватив его за руку, он грубо его тряхнул, тот, однако, не пробудился.

– Его хоть пушкой буди, он не проснется, – заметил Кармо.

Однако при третьем, гораздо более сильном толчке старик наконец приоткрыл глаза. Разглядев двух вооруженных людей, он мигом соскочил с кровати и сказал, испуганно тараща глаза:

– Я погиб!..

– Ну, ну, дружок! Умереть еще успеешь, – сказал Кармо. – Сейчас ты выглядишь куда живее, чем раньше.

– Кто вы такой? – спросил корсар.

– Бедняк, не делавший никому вреда, – ответил старик, щелкая от страха зубами.

– Мы не причиним вам зла, если вы ответите на наши вопросы.

– Ваше превосходительство, значит, не грабитель?

– Я флибустьер с Тортуги.

– Фли... бус... тьер!.. Тогда я... погиб!

– Я же вам сказал, что никто вам не сделает вреда.

– Что же вам нужно от меня?

– Прежде всего узнать, один ли вы в доме.

– Один, сеньор.

– Кто живет по соседству?

– Благонамеренные люди.

– Чем вы занимаетесь?

– Я маленький человек.

– Такой маленький, что у него есть дом, в то время как у меня нет даже своей постели, – сказал Кармо. – Ах, старая лиса! Ты боишься за свои деньги?

– У меня нет денег, ваше превосходительство.

Кармо разразился хохотом.

– Из пирата я стал вашим превосходительством!.. Да это самый веселый старикан, каких я только видел на свете.

Старик покосился на него, однако сделал вид, что не обиделся.

– Короче, – сказал угрожающе корсар, – чем вы занимаетесь в Маракайбо?

– Я бедный нотариус, сеньор.

– Хорошо. Да будет тебе известно, что мы остановимся в твоём доме, пока не представится случай отправиться дальше. Мы не причиним тебе зла, но не вздумай нас выдать. В этом случае твоя голова навсегда распрощается с телом. Понял?

– Но что вам от меня нужно? – недоумевал несчастный.

– Пока ничего. Оденься и не вздумай кричать, иначе мы приведем в исполнение свою угрозу.

Нотариус поспешил подчиниться, однако был так напуган и дрожал так сильно, что Кармо пришлось ему помочь.

– А теперь свяжи этого человека, – сказал корсар. – Смотри, чтобы он не сбежал.

– Я отвечаю за него, как за себя, капитан. Я так свяжу его, что он не шелохнется.

Пока флибустьер опутывал старика веревками, корсар открыл окно, выходящее на улицу, чтобы посмотреть, что делалось снаружи.

Патруль, по-видимому, уже удалился, крики солдат стихли, однако разбуженные люди выглядывали еще из соседних окон, громко переговариваясь друг с другом.

– Слыхали? – орал какой-то толстяк, размахивавший длинной аркебузой. – Говорят, флибустьеры пытались напасть на город.

– Это невозможно, – отвечали другие.

- Я сам слышал, как кричали солдаты.
- Но их отбили.
- Полагаю, что так, ведь больше ничего не слышно.
- Хорошенькое дело!.. Врываться в город, который наспигован солдатами!..
- Они наверняка пытались спасти Красного корсара.
- А вместо этого наткнулись на повешенного.
- Вот так сюрприз для негодяев!..
- Надеюсь, солдаты найдут еще кандидатов на виселицу, – сказал владелец аркебузы, – благо в бревнах у нас недостатка нет. Спокойной ночи, друзья! До завтра!..
- Да, – пробормотал корсар, – бревен вам хватит, но на наших кораблях достаточно ядер, чтобы разрушить Маракайбо. Я еще дам вам о себе знать.
- Осторожно закрыв окно, он вернулся в комнату к нотариусу.
- Кармо тем временем обшарил весь дом.
- Он вспомнил, что накануне вечером им не удалось поужинать, поэтому, отыскав отлично зажаренную рыбу и утку, оставленных, скорее всего, беднягой нотариусом на завтрак, поспешил предложить их капитану.
- Пошарив в одном из шкафов, он нашел несколько сильно запыленных бутылок с этикетками лучших испанских вин – хереса, порто, аликанте, мадеры.
- Сеньор, – предложил Кармо приятнейшим голосом, обращаясь к корсару, – пока испанцы гонятся за нашими тенями, откушайте рыбы, этого отличного озерного линя, и попробуйте кусочек дикой утки. Кроме того, я нашел кое-какие бутылки, которые наш нотариус припас, видимо, для больших праздников. Нам же они вернут хорошее настроение. Видать, наш друг не прочь побаловаться заморскими винами!.. Посмотрите, что у него за вкус.
- Спасибо, – сказал корсар, который, однако, снова впал в меланхолию.
- Он почти не ел. К нему вернулись прежняя задумчивость и печаль, к которым пираты почти привыкли. Внезапно поднявшись, он принялся расхаживать по комнате.
- Флибустьер же не только проглотил остатки снеди, но и опустошил еще несколько бутылок, что привело в крайнее отчаяние нотариуса, не перестававшего ныть при виде столь быстрого исчезновения вин, выписанных им за большие деньги с далекой родины.
- Придя, однако, в хорошее настроение, моряк сделался настолько любезен, что предложил нотариусу стаканчик, дабы вознаградить его за испытанный страх и огорчения.
- Гром и молния! – воскликнул он. – Кто бы мог подумать, что эта ночь пройдет так весело. Оказаться вначале между двух огней с риском окончить жизнь с веревкой на шее, а вместо этого пировать! Кто бы мог на это рассчитывать?
- Опасность, однако, мой друг, не миновала, – заметил корсар. – Кто даст нам гарантию, что завтра испанцы, не обнаружив нас в городе, не нагрянут сюда? Здесь, конечно, неплохо, но я предпочел бы оказаться на борту моего «Молниеносного».
- С вами я ничего не боюсь, капитан. Вы один стоите сотни смельчаков!
- Разве ты забыл, что губернатор Маракайбо – старая лиса и что он пойдет на все, чтобы добраться до нас? Ведь между нами идет война не на жизнь, а на смерть.
- Никто не знает, что вы прячетесь здесь.
- Об этом нетрудно догадаться. К тому же ты забыл о басках. Я думаю, они поняли, что убийцей хвастливого графа был брат Красного и Зеленого корсаров.
- Быть может, вы правы, сеньор... Как вы думаете, Морган пришлет нам подмогу?
- Мой помощник не такой человек, чтобы оставить своего командира в руках испанцев. Это такой храбрец, такая отчаянная голова, что я не удивлюсь, если ему взбредет в голову обрушить на город ядерный ураган.
- За такую выходку можно дорого поплатиться, сеньор.

– Да. Но сколько мы совершали таких дел и всегда или почти всегда выходили из положения!

– Это верно.

Корсар сел, потягивая вино из стакана, потом снова встал и направился к окну на лестничной площадке, из которого видна была вся улица. Простояв с полчаса, он внезапно вернулся в комнату и спросил Кармо:

– Ты уверен в чернокожем?

– Это надежный человек, капитан.

– Он не выдаст нас?

– Я готов поручиться за него головой.

– Он здесь.

– Вы его видели?

– Он бродит по улице.

– Надо позвать его, капитан.

– А что он сделал с телом моего брата? – спросил корсар, нахмутив брови.

– Когда он будет здесь, мы его спросим.

– Позови его, но будь осторожен. Если тебя заметят, я не поручусь за нашу жизнь.

– Предоставьте это дело мне, сеньор, – ответил Кармо, улыбаясь. – Дайте мне только десять минут, чтобы превратиться в нотариуса.

Глава 6

Положение флибустьеров осложняется

Не прошло и десяти минут, как Кармо покинул дом нотариуса, чтобы отправиться на поиски африканца, замеченного корсаром.

За этот малый срок храбрый флибустьер настолько изменил свой вид, что стал совершенно неузнаваем. В одну минуту он укоротил ножницами пышную бороду, подровнял спутанные волосы и натянул на себя испанский костюм, хранившийся нотариусом для торжественных выходов и пришедшийся ему в самый раз, так как оба были одного роста.

В этой одежде наводивший ужас морской волк мог вполне сойти за тихого и скромного буржуа из Гибралтара, если не за самого нотариуса. Будучи, однако, человеком осторожным, он спрятал в глубоких и удобных карманах пистолеты, не надеясь на маскарад.

В этом преобразенном виде Кармо вышел из дома, словно обычный мирный гражданин, отправившийся подышать утренним воздухом. Время от времени он поглядывал на небо, чтобы убедиться, что уже близкий рассвет скоро разгонит тьму.

Улочка была пустынна; но если капитан незадолго до того заметил на ней африканца, то вряд ли тот мог уйти далеко.

— Где-нибудь я тебя разыщу, — пробормотал флибустьер. — Если мой дорогой кум решил вернуться, значит, серьезные причины помешали ему оставить Маракайбо. Неужели этот проклятый Ван Гульд пронюхал, что Черный корсар в городе? Злой рок толкает всех трех братьев в руки этого мерзкого старика... Но бог нас не выдаст!.. Мы выберемся отсюда и еще отплатим ему — око за око, зуб за зуб, жизнь за жизнь.

Так, разговаривая с самим собой, флибустьер дошел до конца улицы и уже готовился было повернуть за угол, как вдруг какой-то солдат с аркебузой, притаившийся в подворотне, преградил ему путь.

— Стой! — крикнул он угрожающе.

— Проклятье! — пробормотал Кармо, запуская руку в карман и нащупывая один из пистолетов. — Неужели попался?.. — Скроив мину добропорядочного буржуа, он сказал: — Что вы хотите, синьор солдат?

— Узнать, кто вы такой.

— Как!.. Вы меня не узнаете?.. Я нотариус из этого квартала, синьор солдат.

— Извините, я недавно приехал в Маракайбо, сеньор нотариус. А куда вы идете, можно спросить?

— Один бедняк по соседству собирается отдать богу душу, а уж когда речь идет о переселении на тот свет, можете мне поверить, без наследников дело не обходится.

— Это верно, сеньор нотариус. Будьте, однако, осторожны, не попадитесь в лапы флибустьерам.

— Бог ты мой! — воскликнул Кармо, притворившись испуганным. — Флибустьеры здесь? Как же эти каналы посмели высадиться в Маракайбо, городе почти неприступном и управляемом столь доблестным воином, каким является сеньор Ван Гульд?

— Неизвестно, как им удалось высадиться: ни в заливе Сого, ни вблизи островов не замечено пиратских кораблей. Но то, что они здесь, в этом никто уже больше не сомневается. Достаточно сказать, что они уже убили трех-четырех человек и даже посмели похитить тело Красного корсара, повешенного напротив губернаторского дворца вместе со своим экипажем.

— Что за негодяи!.. И где же они теперь?

– Полагаю, что они скрылись за городом. Несколько отрядов посланы в разные места, и есть надежда, что их поймают и отправят поддержать компанию с остальными висельниками.

– А вдруг они спрятались в городе?..

– Вряд ли: кое-кто видел, как они бежали из города.

Кармо получил достаточно сведений и счел за лучшее уйти, дабы не упустить африканца.

– Как бы на них не натолкнуться, – сказал он. – Счастливо оставаться, сеньор солдат. Я пойду, а то как бы не прийти слишком поздно к моему умирающему клиенту.

– Желаю вам успеха, господин нотариус.

Хитрый флибустьер натянул шляпу на глаза и поспешно удалился, оглядываясь по сторонам, будто бы от страха, которого вовсе не испытывал.

– Ха-ха!.. – воскликнул он. – Так, значит, нас считают удравшими за город!.. Отлично, мои дорогие!.. Мы пока что мирно отдохнем в доме этого молодчаги нотариуса, а там, когда солдаты вернутся, преспокойно исчезнем. Что за прекрасная мысль пришла нашему командиру!.. Олоннэ, хвастающий, что он хитрее всех флибустьеров на Тортуге, вряд ли придумал бы что-нибудь похлеще.

Кармо свернул за угол и собирался было пойти по более широкой улице, окаймленной красивыми домами с изящными верандами, поддерживаемыми разноцветными столбами, как вдруг заметил гигантский темный силуэт под пальмой возле небольшого домика.

– Если не ошибаюсь, это мой кум, – пробормотал флибустьер. – На этот раз нам необыкновенно повезло, но ведь известно, что нам помогает сам дьявол, так по крайней мере говорят испанцы.

При виде Кармо человек, прятаясь за стволом пальмы, попытался перебраться в подворотню, полагая, видимо, что он наткнулся на солдата. Но, не чувствуя себя в безопасности и там, он быстро шмыгнул за угол дома, собираясь исчезнуть в одном из многих переулков города.

Флибустьер едва успел убедиться, что это был действительно африканец.

В несколько прыжков он очутился у домика и, повернув за угол, крикнул вполголоса:

– Эй, кум!.. Кум!

Африканец сразу же остановился, затем, немного поколебавшись, вернулся назад. Узнав Кармо, несмотря на то что тот был облачен в костюм испанского обывателя, он не смог удержаться от радостных восклицаний.

– Это ты, белый кум!..

– У тебя отличное зрение, дорогой, – ответил флибустьер, смеясь.

– А где капитан?

– Не думай пока о нем, он в надежном месте – и баста. Почему ты вернулся? Капитан велел тебе отвезти тело на корабль.

– Я не смог этого сделать, кум. Весь лес кишит солдатами.

– Они заметили нашу высадку?

– Боюсь, что да, белый кум.

– А где ты спрятал тело Красного корсара?

– В своей хижине, под толстым слоем свежих листьев.

– А его не найдут испанцы?

– Я выпустил на свободу всех своих змей. Если солдаты захотят войти в хижину, они наткнутся на змей и удержат.

– А ты хитер, дружище.

– Стараюсь как могу.

– Так, по-твоему, пока улизнуть отсюда невозможно?

– Я же сказал, что в лесу полно солдат.

– Дело плохо. Морган, помощник капитана, который остался на «Молниеносном», может совершить в наше отсутствие какой-нибудь необдуманный поступок... – пробормотал флибустьер. – Послушай, кум, тебя хорошо знают в Маракайбо?

– Все меня знают, я ведь часто торгую травами, от которых исцеляются раны.

– Тебя ни в чем не подозревают?

– Нет, кум.

– Тогда за мной; пойдем к капитану.

– Одну минутку, кум.

– В чем дело?

– Я привел с собой и вашего товарища.

– Кого?.. Ван Штиллера?

– Да, он мог оказаться в плену, и я подумал, что ему лучше быть здесь, чем охранять хижину в лесу.

– А пленник?

– Мы его связали так крепко, что найдем его снова, если за это время его не освободят солдаты.

– Где же Ван Штиллер?

– Подожди минуту, кум.

Прижав ладони ко рту, африканец издал легкий свист, который легко можно было принять за звуки, издаваемые вампиром: так называется здесь одна из крупных летучих мышей, столь распространенных в Южной Америке.

Секунду спустя какой-то человек, перевалив через забор соседнего сада, чуть не свалился Кармо на голову.

– Рад тебя видеть живым, дорогой друг! – воскликнул он.

– А я еще больше, дружище Ван Штиллер, – ответил Кармо.

– Как ты думаешь, капитан не будет ругаться, что я пришел сюда? Зная, что вы в опасности, я не мог прохлаждаться в лесу, созерцая красоты флоры и фауны.

– Командир будет доволен, мой дорогой. Сейчас каждый человек на счету, не говоря о таких, как ты.

– Пошли, друзья, – отозвался Ван Штиллер.

Начало светать. Звезды быстро бледнели, ибо в этих местах нет рассвета или зари в привычном для нас смысле: за ночью сразу же следует день. Солнце появляется совсем неожиданно и силой своих лучей разгоняет тьму, исчезающую почти мгновенно.

Жители Маракайбо, любившие рано вставать, просыпались. То тут, то там открывались окна, на улицу высывались чьи-то головы, слышались звучные чихания и громкие позевывания, кое-где завязывался оживленный разговор.

Они обсуждали, конечно, события ночи: ведь флибустьеры наводили страх на обитателей всех испанских колоний, разбросанных на огромных пространствах Мексиканского залива.

Желая избежать ненужных встреч, Кармо прибавлял шаг. За ним, не отставая, следовали африканец и Ван Штиллер.

Дойдя до переулочка, они снова столкнулись с солдатом, ходившим взад и вперед с алебардой на плече.

– Как? Вы уже вернулись, сеньор нотариус? – спросил он, заметив Кармо.

– Что вы хотите, мой друг, – ответил флибустьер, – мой клиент торопился оставить эту долину слез и не заставил нас долго ждать.

– Уж не он ли оставил вам в наследство этого великолепного чернокожего? – спросил солдат, указывая на заклинателя змей. – Каррамба! За такого великана дадут тысячу пиастров!

– Да, он мне его подарил. Всего доброго, сеньор солдат.

Они поспешно свернули за угол, вошли в переулок и вскоре очутились в доме нотариуса. Закрыв дверь, они завалили ее чем попало.

Черный корсар ждал их внизу, не в силах скрыть сжигающего его нетерпения.

– В чем дело? – спросил он. – Почему Моко вернулся? Где тело моего брата?.. И ты здесь, Ван Штиллер?

В немногих словах Кармо рассказал ему о причинах, заставивших африканца вернуться в Маракайбо, о решении Ван Штиллера прийти на помощь и о том, что он вывел солдата, караулившего выход с улицы.

– Принесенные тобой новости не радуют, – сказал капитан, обращаясь к африканцу. – Если испанцы прочесывают побережье и лес, то вряд ли мы сможем добраться до «Молниеносного». Но дело не в нас, а в корабле, на который, того и гляди, нападет эскадра адмирала Толедо.

– Гром и молния!.. – вскричал Кармо. – Не хватало нам только этого!..

– Боюсь, что наши похождения кончатся плохо, – пробормотал Ван Штиллер. – Но, черт возьми, мы и так должны были бы болтаться на веревке уже два дня! Будем же радоваться, что живем лишние сорок восемь часов.

Черный корсар принялся расхаживать по комнате вокруг ящика, служившего им столом. Он был взволнован и озабочен. Время от времени он останавливался, круто поворачиваясь к флибустьерам, затем снова принимался шагать, покачивая головой.

Внезапно он подошел к нотариусу, лежавшему неподвижно на кровати, и, сурово глядя на него, спросил:

– Ты хорошо знаешь окрестности Маракайбо?

– Да, ваше превосходительство, – ответил бедняга дрожащим голосом.

– Мог бы ты незаметно вывести нас из города в надежное место?

– Как это сделать, сеньор?.. Едва мы выйдем из дома, как нас с вами узнают и схватят. Потом меня обвинят, что я пытался спасти флибустьеров. А губернатор, с которым шутки плохи, прикажет меня повесить.

– Ах!.. Вечно все боятся Ван Гульда, – процедил корсар сквозь зубы, бросив на нотариуса испепеляющий взгляд. – Да, губернатор суров и безжалостен, он умеет заставить всех трепетать от страха... Нет, не всех! Когда-нибудь и он затрепещет и своей жизнью заплатит за смерть моих братьев!..

– Вы хотите убить губернатора? – недоверчиво спросил нотариус.

– Молчи, старик, если тебе дорога шкура! – пригрозил Кармо.

Корсар, казалось, не слышал ни слова. Выйдя из комнаты, он подошел к окну коридора, из которого, как уже говорилось, можно было обозреть всю улицу.

– В хорошенькую переделку мы попали, – сказал Ван Штиллер, обращаясь к африканцу. – А у нашего кума нет ли в черепке какой-нибудь идеи, как нам выбраться из этого невеселого положения?.. В доме нотариуса я как-то не чувствую себя в безопасности.

– Кое-какая есть, – ответил африканец.

– Так выкладывай же ее поскорее, кум, – сказал Кармо. – Если твоя идея осуществима, я тебя расцелую, хотя в жизни не целовал ни черных, ни желтых, ни красных.

– Для этого надо дожидаться вечера.

– Мы пока не торопимся.

– Переоденьтесь в испанские одежды и спокойно уходите из города.

– А я, по-твоему, разве не переодет нотариусом?

– Этого недостаточно.

– Чего же еще надо?

– Хороший костюм мушкетера или алебардщика. Если вы выйдете из города в гражданском платье, солдаты, рыскающие в окрестностях, не замедлят вас схватить.

– Гром и молния!.. Блестящая идея!.. – воскликнул Кармо. – Ты прав, мой милый кум!.. Если мы будем одеты солдатами, никому и в голову не взбредет, особенно ночью, останавливать нас и спрашивать, куда мы идем и кто мы такие. Все подумают, что это патруль, и мы спокойно сможем выбраться из города и отыскать нашу лодку.

– А где взять одежду? – спросил Ван Штиллер.

– Где?.. Отправить на тот свет парочку солдат и снять с них форму, – решительно сказал Кармо. – Ты же сам знаешь, что у нас дела быстро спорятся.

– Нужды нет подвергать себя риску, – сказал африканец. – Меня все знают в городе, ни в чем не подозревают, и я спокойно могу купить одежду и оружие.

– Милый мой кум, ты замечательный человек, дай я тебя расцелую по-братски!

С этими словами флибустьер раскрыл объятия, собираясь прижать к себе африканца, но не успел. Снаружи раздался громкий удар, эхом прокатившийся по лестнице.

– Гром и молния! – воскликнул Кармо. – Стучат!..

В этот момент вошел корсар.

– Наверное, к вам, нотариус, – сказал он.

– Может быть, кто-то из моих клиентов, сеньор, – ответил со вздохом пленник. – Один из тех, кто дал бы мне неплохо заработать, а я...

– Кончай! – оборвал его Кармо. – Надоел, старый хрыч!

Второй удар, еще сильнее первого, потряс дверь.

– Откройте, сеньор нотариус!.. – кричал незнакомец. – Нельзя терять ни минуты!

– Кармо, – сказал корсар, принявший быстрое решение, – если ему не открыть дверь, то могут подумать, что со стариком приключилось несчастье, и предупредят квартального алькальда.

– Что делать, капитан?

– Открыть, крепче связать и присоединить к нотариусу.

Он не кончил еще говорить, как Кармо в сопровождении черного великана уже спулся по лестнице.

После третьего удара, от которого дверь затрещала, Кармо поспешил открыть.

– Что за спешка, сеньор? – спросил он незнакомца. Молодой человек лет восемнадцати-двадцати, богато одетый и вооруженный маленьким кинжалом, висевшим у пояса, поспешно вошел в дом.

– Разве можно заставлять ждать людей, у которых нет времени! – вскричал он. – Карр...

При виде Кармо и африканца он в изумлении остановился, затем попытался отступить назад, но дверь быстро захлопнулась за ним.

– Кто вы такие? – спросил он.

– Слуги господина нотариуса, – ответил Кармо, отвешивая шутовской поклон.

– А!.. – воскликнул юноша. – Дон Турилло так разбогател, что может позволить себе иметь сразу двух слуг?..

– Да, он получил наследство от дяди, умершего в Перу, – сказал, усмехаясь, флибустьер.

– Немедленно отведите меня к нему! Его же предупредили, что я сегодня сочетаюсь браком с сеньориной Кармен де Васконселлос. Сколько можно ждать...

Но тут юноша чуть не поперхнулся. Тяжелая черная рука опустилась ему на плечо, а потом схватила его за горло. Полузадушенный молодой человек упал на колени.

– Тихо, тихо, кум, – остановил его Кармо. – Еще немного, и ты его вовсе придушишь. Клиенты нотариуса нуждаются в более деликатном обращении.

– Не бойся, белый кум, – ответил заклинатель змей.

Юноша был настолько напуган внезапным нападением, что не оказал ни малейшего сопротивления. Его перенесли наверх, в комнату, разоружили, крепко связали и уложили рядом с нотариусом.

– Все в порядке, капитан, – сказал Кармо.

Одоблив кивком головы действия моряка, корсар приблизился к юноше, смотревшему на него испуганными глазами, и спросил:

– Кто вы такой?

– Это один из моих лучших клиентов, сеньор, – вставил нотариус. – Этот замечательный юноша позволил бы мне заработать сегодня по крайней мере...

– Да замолчите же вы! – сухо прервал его корсар.

– Нотариус стал настоящим попугаем! – воскликнул Кармо. – Если дело и дальше так пойдет, придется отрезать ему кончик языка.

Красивый юноша повернулся к корсару и, посмотрев на него с некоторым изумлением, ответил:

– Я сын дона Алонсо де Конксевиа, судьи из Маракайбо. Надеюсь, теперь вы объясните причину моего похищения.

– Вам ни к чему ее знать. Но если вы будете вести себя тихо, вам не сделают ничего дурного и завтра, если все будет в порядке, васпустят домой.

– Завтра!.. – вскричал в горестном изумлении юноша. – Имейте в виду, сеньор, что сегодня я должен обручиться с дочерью капитана Васконселлоса.

– Вы обручитесь завтра.

– Берегитесь!.. Мой отец – друг губернатора, и вы можете дорого поплатиться за ваше наглое вмешательство в мои дела. Здесь, в Маракайбо, достаточно пушек и солдат.

Гневная усмешка исказила рот морского волка.

– Я их не боюсь, – сказал он. – У меня самого есть люди посмелее тех, что охраняют Маракайбо, пушек у меня тоже достаточно.

– Но кто вы такой?

– Вам это знать не обязательно.

С этими словами корсар резко повернулся и пошел к своему наблюдательному посту у окна. Кармо и африканец тем временем перерыли весь дом снизу доверху в поисках чего-нибудь подходящего на завтрак, а Ван Штиллер устроился поудобнее возле обоих пленников, дабы пресечь любую попытку к бегству.

Оба кума, черный и белый, обшарив все жилище, нашли наконец копченую ветчину и какой-то весьма острый сыр, который, по уверению весельчака флибустьера, должен был привести всех в хорошее настроение и придать больше пикантности их трапезе.

Едва успели сообщить корсару, что завтрак готов, и открыть несколько бутылок портвейна, как вдруг снова раздался стук в дверь.

– Кто бы это мог быть? – спросил Кармо. – Еще один клиент, который жаждет составить компанию нотариусу?..

– Сходи посмотри, – сказал корсар, уже присевший к импровизированному столу.

Моряк не заставил повторять приказ дважды и, выглянув в окно из-за спущенных жалюзи, увидел у дверей какого-то пожилого мужчину, казавшегося слугой или привратником из трибунала.

– Черт возьми! – пробормотал он. – Наверное, он пришел за юношей. Таинственное исчезновение жениха, видать, обеспокоило невесту и приглашенных. Гм!.. Дело начинает запутываться!..

Слуга тем временем, не получая ответа, продолжал изо всех сил барабанить в дверь. Он поднял такой шум, что привлек внимание всех жильцов из соседних домов.

Ничего не оставалось делать, как открыть дверь и схватить и этого явившегося некстати гостя, иначе жильцы, заподозрив недоброе, могли взломать дверь или позвать на помощь солдат.

Кармо и африканец поспешили поэтому сойти вниз, чтобы открыть дверь. Но едва новоявленный слуга или привратник очутился в коридоре, как тут же, во избежание шума, был схвачен за горло, связан и перенесен наверх в комнату, где составил компанию своему незадачливому хозяину и не менее несчастному нотариусу.

— Дьявол их побери! — воскликнул Кармо. — Если дело будет так продолжаться, то мы затащим к себе все население Маракайбо!

Глава 7

Поединок

Вопреки предсказанию Кармо завтрак прошел невесело и настроение не улучшилось, хотя ветчина оказалась отличной и сыр острым.

Дело принимало дурной оборот из-за проклятого молодого человека и его свадьбы. Его таинственное исчезновение вместе со слугой не могло не всполошить родственников, и с минуты на минуту надо было ожидать новых посещений слуг, друзей или, что еще хуже, солдат, судей, а то и альгвасила.

Корсар и его спутники обсудили создавшееся положение, но решение все не приходило. Бежать в данный момент было абсолютно невозможно. Пиратов наверняка бы узнали, схватили бы и повесили, как бедного Красного корсара и его несчастных товарищей. Надо было дожидаться ночи, но кто мог поручиться, что родственники молодого человека оставят их в покое.

Трое флибустьеров, обычно не уступавшие в ловкости и находчивости своим товарищам с Тортуги, были на этот раз в полной растерянности.

Кармо предложил переодеться в одежду пленников и идти напролом, но тут же убедился в невозможности осуществить свой план, так как костюм юноши не налез бы не только на него, но и ни на кого другого. К тому же такое предприятие могло бы оказаться слишком рискованным в городе, где повсюду рыскали солдаты. Африканец, напротив, вернулся к старой идее и предложил отправиться в город, чтобы приобрести мундиры мушкетеров или алебардчиков. Но и это предложение было пока отвергнуто, поскольку для его успешного осуществления надо было дожидаться наступления ночи.

Пока они ломали голову в поисках подходящего выхода из создавшегося положения, с минуты на минуту становившегося все более запутанным и опасным, в дверь опять кто-то постучал.

На этот раз это был какой-то кастильский дворянин, вооруженный шпагой и кортиком, – возможно, кто-то из родственников юноши или его невесты.

– Гром и молния! – воскликнул Кармо. – В этот проклятый дом скоро выстроится целая очередь!.. Сначала явился юнец, затем слуга, теперь какой-то дворянин... А там, глядишь, появится отец, родственники, друзья и так далее. Дело кончится тем, что свадьбу придется праздновать здесь.

Видя, что никто не торопится открывать, кастилец удвоил силу ударов. Он беспрерывно колотил тяжелым молотком в дверь, обнаруживая все свое нетерпение. Он явно был решительнее юноши и слуги.

– Сходи, Кармо! – приказал корсар.

– Боюсь, капитан, что этого голыми руками не возьмешь. Нам попался крепкий орешек, и, уверяю вас, его сразу не раскусишь.

– Я пойду с тобой, ты ведь знаешь, что у меня крепкие руки.

Увидев в углу шпагу, хранившуюся у нотариуса в качестве семейной реликвии, капитан попробовал ее гибкость и повесил себе на пояс.

«Толедская сталь, – подумал он про себя. – Берегись, кастилец».

Кармо и африканец открыли тем временем дверь, грозившую рухнуть от следовавших друг за другом яростных ударов молотка, и дворянин, держась рукой за шпагу, ворвался внутрь.

– Вас пушкой будить, что ли? – спросил он раздраженно, мечая вокруг яростные взгляды.

Вновь явившийся был статным мужчиной лет сорока, крепкого телосложения, мужественный и высокомерный. Черные глаза и столь же черная густая борода придавали ему весьма грозный вид.

На нем был элегантный испанский костюм из темного шелка и кожаные сапоги из желтой кожи со шпорами и отворотами, украшенными зубчиками.

– Извините, сеньор, что мы замешкались, – ответил Кармо, потешно раскланиваясь перед ним, – но мы были очень заняты.

– Чем это? – спросил кастилец.

– Лечением сеньора нотариуса.

– Неужели он заболел?

– Его мучит свирепая лихорадка, сеньор.

– Зови меня графом, мошенник.

– Извините, господин граф, я не имел чести быть с вами знакомым.

– Убирайтесь к дьяволу!.. Где мой племянник?.. Вот уже два часа, как он торчит у вас.

– Мы никого не видели.

– Ты шутишь со мной!.. Где нотариус?..

– В постели, сеньор.

– Немедленно отведите меня к нему!

Стараясь заманить графа подальше в коридор, прежде чем напустить на него африканца с его могучей мускулатурой, Кармо повел кастильца за собой, но, подойдя к лестнице, внезапно обернулся и крикнул:

– Хватай его, кум!..

Африканец бросился к графу, но тот был настороже и, обладая ловкостью настоящего моряка, одним махом перескочил на три ступеньки выше, резко оттолкнул Кармо и, решительно обнажив шпагу, воскликнул:

– Ах, мошенник!.. Что все это значит?.. Я вам уши оторву!..

– Если вам угодно знать, что означает это нападение, то я вам объясню, сеньор, – раздался голос капитана.

На площадке неожиданно появился со шпагой в руке Черный корсар и начал спускаться по лестнице.

Кастилец обернулся к нему, не спуская, однако, глаз с Кармо и африканца, отступивших в глубь коридора для охраны двери. Первый вооружился длинной навахой, второй – палкой, столь грозным в его руках оружием.

– Кто вы такой, сеньор? – спросил кастилец, не обнаруживая и признаков страха. – Судя по одежде, вы дворянин, но не все золото, что блестит, и я не удивлюсь, если вы окажетесь бандитом.

– За эти слова вы можете дорого поплатиться, мой дорогой, – ответил корсар.

– Посмотрим!

– Вы смелый человек, сеньор, тем лучше. Я бы советовал вам, однако, отдать шпагу и сдаться.

– Кому?

– Мне.

– Бандиту, устраивающему засаду для расправы над благородными людьми?

– Нет, кавалеру Эмилио ди Рокканера, сеньору Вентимилья.

– Как, вы дворянин?! Могу я в таком случае знать, почему сеньор Вентимилья подослал своих слуг, чтобы убить меня?

– Вам это показалось, сеньор. Никто не собирался вас убивать. Вас хотели разоружить, поддержать в плену несколько дней, и больше ничего.

– А с какой стати, позвольте узнать?

– Дабы вы не могли предупредить власти в Маракайбо, что здесь нахожусь я, – ответил корсар.

– Быть может, господин Вентимилья не в ладу с властями Маракайбо?

– Просто они, а вернее, Ван Гульд не питает ко мне особой любви, и ваш губернатор был бы очень счастлив заполучить меня в свои руки, как я его – в свои.

– Не понимаю вас, сеньор, – сказал кастилец.

– Это не имеет отношения к вам. Итак, согласны ли вы сдаться?

– О!.. Неужели вы думаете, что человек, вооруженный шпагой, сдастся, не защищаясь?

– Тогда я вынужден буду вас убить. Я не могу позволить вам уйти: это означало бы поставить под удар себя и своих товарищей.

– Но кто вы такие, наконец?

– Вы, наверное, уже догадались: мы флибустьеры с Тортуги... Сеньор, защищайтесь! Я не собираюсь отпускать вас живым!

– Охотно верю, ибо вас трое.

– Не беспокойтесь о них, – сказал корсар, кивая на Кармо и африканца. – Когда их командир сражается, они не имеют привычки вмешиваться.

– В таком случае надеюсь скоро с вами справиться. Вы ведь еще не знаете, какова рука у графа Лермы.

– Так же, как вы не знаете, какова она у господина Вентимилья. Защищайтесь, граф!..

– Одно слово, если позволите. Что вы сделали с моим племянником и его слугой?

– Они мои пленники вместе с нотариусом, но за них не беспокойтесь. Завтра они будут на свободе, и ваш племянник сможет обручиться со своей невестой.

– Спасибо, сеньор.

Черный корсар отвесил легкий поклон, затем, быстро сбежав с лестницы, напал на кастильца так стремительно, что тот был вынужден отступить на два шага.

В течение нескольких минут в тесном коридоре только и слышно было, как свистят шпаги. Прислонившись к двери, Кармо и африканец безмолвно следили за дуэлью. Скрестив руки на груди, они едва поспевали глазами за молниеносным сверканием шпаг.

Кастилец сражался отлично, как настоящий бретёр. Он хладнокровно парировал удары и уверенно делал выпады, однако вскоре убедился, что имеет дело с одним из самых грозных противников, обладавшим железными мускулами.

После первых ударов Черный корсар обрел свое обычное спокойствие. Он редко переходил в наступление, уходя в глухую защиту, словно хотел прежде утомить противника и посмотреть, на что тот способен. Крепко стоя на сухопарых ногах, он держался прямо, поддерживая равновесие левой рукой. Казалось, что для него этот поединок – обычная забава.

Безуспешно кастилец пытался прижать его к лестнице, втайне надеясь, что он споткнется и упадет. Несмотря на град обрушившихся на него ударов, корсар ни на шаг не сдвинулся с места. Он словно не обращал внимания на жужжание клинков; с изумительной быстротой отражал удары, не покидая своей позиции.

Вдруг он сделал глубокий выпад. Выбить шпагу из рук кастильца было делом одной минуты.

Оказавшись безоружным, кастилец побледнел и испуганно вскрикнул. Сверкающее острие шпаги корсара на мгновение задержалось у его груди, затем поднялось вверх.

– Вы отличный боец, – сказал корсар, салютуя противнику. – Вы не хотели отдавать мне шпагу, но я возьму ее сам взамен вашей жизни.

На лице кастильца отразилось глубокое изумление, он застыл на месте, словно не веря, что остался в живых.

Внезапно он быстро подошел к корсару и протянул ему руку.

– Мои соотечественники утверждают, что флибустьеры – бесчестные люди, занимающиеся лишь грабежом на море, я же теперь могу подтвердить, что среди них есть достойные люди, которые в рыцарстве и благородстве превзойдут самых благовоспитанных дворян Европы... Господин рыцарь, вот вам моя рука: благодарю вас!..

Корсар с чувством пожал его руку, затем, подняв упавшую шпагу, протянул ему ее:

– Сохраните ваше оружие, сеньор: мне достаточно, если вы пообещаете не воспользоваться ею против нас до завтрашнего дня.

– Обещаю вам, сеньор, клянусь честью.

– Теперь позвольте связать вас. Мне жаль прибегать к этой крайности, но я не могу обойтись без нее.

– Делайте что хотите.

По знаку корсара Кармо подошел к кастильцу и связал ему руки, затем препоручил его африканцу, который поспешил отвести его наверх, в компанию к племяннику, слуге и нотариусу.

– Надеюсь, визитов больше не будет, – заключил Кармо, обращаясь к корсару.

– Боюсь, что вскоре к нам пожалуют другие гости, – ответил капитан. – Все эти таинственные исчезновения не могут не всполошить родственников графа и его племянника, и тогда вмешаются власти Маракайбо. Нам стоит подумать о том, как бы забаррикадироваться изнутри и подготовиться к обороне. Ты не заметил, нет ли огнестрельного оружия в доме?

– Я нашел на чердаке аркебузу и припасы к ней, а также старую, заржавевшую алебарду и латы.

– Аркебуза нам пригодится.

– А сможем ли мы выстоять, капитан, если солдаты пойдут на штурм дома?..

– Там будет видно, а сейчас могу тебе сказать, что живым меня Ван Гульду не видать!..

Итак, подготовимся к обороне. Позднее, если останется время, подумаем о трапезе.

Африканец вернулся, поручив Ван Штиллеру охранять пленников. Узнав, что нужно делать, он горячо принялся за дело.

С помощью Кармо он притащил в коридор всю самую тяжелую и громоздкую мебель, что не обошлось, разумеется, без долгих, хотя и бесполезных причитаний нотариуса. Шкафы, ящики, массивные столы, комоды – все было свалено возле двери, так что получилась надежная баррикада.

Не довольствуясь этим, флибустьеры с помощью других ящиков и мебели соорудили вторую баррикаду, у подножия лестницы, на случай если дверь не выдержит напора.

Едва они закончили подготовку к обороне, как увидели, что Ван Штиллер кубарем катится с лестницы.

– Командир, – воскликнул он, – на улице столпились горожане и все смотрят на наш дом! Я думаю, они заметили таинственное исчезновение входивших людей.

– Ах так!.. – заметил, глазом не моргнув, корсар.

Спокойно поднявшись по лестнице, он, стоя за занавеской, выглянул в окно, выходившее на улицу.

Ван Штиллер сказал правду. Человек пятьдесят, разделившись на группы, толпились на противоположном конце улицы. Они оживленно переговаривались и указывали на дом нотариуса, в то время как из окон соседних домов выглядывали обеспокоенные люди.

– То, чего я боялся, того и гляди, случится, – пробормотал корсар, нахмутив лоб. – Ладно, если уж и мне суждено погибнуть в Маракайбо, значит, так записано в книге судеб. Бедные мои братья, кто же за вас отомстит!.. О!.. Видно, смерть еще не близка, а фортуна улыбается пиратам с Тортуги!.. Кармо, ко мне!..

Услышав, что его зовут, моряк не замедлил явиться.

– Слушаю, капитан.

– Ты мне сказал, что нашел боеприпасы.
– Да, бочонок фунтов на восемь-десять пороха, сеньор.
– Поставь его в коридоре, под дверью, и приладь к нему фитиль.
– Гром и молния! Мы взорвем весь дом?
– Да, если понадобится.
– А пленники?
– Тем хуже для них, если солдаты попытаются нас схватить. Мы имеем право на защиту и воспользуемся им без колебаний.

На улице, вдали, показался отряд аркебузирова, сопровождаемый толпой любопытных. Под командованием лейтенанта маршировало две дюжины отлично вооруженных мушкетерами, шпагами и дагами солдат, словно направляющихся на войну.

Рядом с лейтенантом корсар заметил какого-то старого господина с седой бородой, вооруженного шпагой, и решил, что это кто-нибудь из родственников графа или молодого человека.

Отряд проложил себе дорогу среди граждан, заплотнивших улицу, и остановился в десяти шагах от дома нотариуса. Солдаты выстроились в три шеренги и взяли мушкеты на изготовку, словно собирались открыть огонь.

Понаблюдав несколько минут за окнами, лейтенант переговорил со стоявшим рядом стариком, затем решительно подошел к двери и постучал тяжелым молотком.

– Во имя закона, откройте!
– Вы готовы, мои храбрецы? – спросил корсар.
– Готовы, сеньор, – ответили Кармо, Ван Штиллер и африканец.
– Вы останетесь со мной, а ты, мой славный африканец, поднимешься на верхний этаж и посмотришь, нет ли там лазейки, которая позволит нам выбраться на крышу.

С этими словами он поднял жалюзи и, облокотившись на подоконник, спросил:

– Что вам угодно, сеньор?

Увидев вместо нотариуса мужественное лицо корсара, одетого в широкополую черную шляпу с развевающимся черным пером, лейтенант растерялся от удивления.

– Кто вы такой? – спросил он спустя мгновение. – Я хотел бы поговорить с нотариусом.
– Я его заменяю, поскольку он пока не может двигаться.
– Тогда откройте: у меня приказ губернатора.
– А если я не захочу?
– В таком случае я не отвечаю за последствия. В этом доме происходят весьма странные вещи, и я получил приказ узнать, что случилось с господином Педро Конксевиа, его слугой и его дядей, графом Лермой.

– Если вам не терпится это узнать, то могу вам сказать, что они находятся у нас в доме, все в добром здравии и даже в отличном расположении духа.

– Пусть они сойдут вниз.
– Это невозможно, сеньор, – ответил корсар.
– Я требую подчиниться или велю взломать дверь.
– Как вам угодно, но предупреждаю, что за дверью установлен бочонок с порохом, и при первой же попытке взломать дверь я подожгу фитиль и взорву дом вместе с нотариусом, господином Конксевиа, его слугой и графом Лермой. Теперь попробуйте, если посмеете!..

При этих словах, произнесенных спокойным, решительным тоном, не допускавшим ни малейших сомнений, ужас объял солдат и присоединившихся к ним зевак. Кое-кто поспешил убраться подобру-поздорову, опасаясь, что дом, того и гляди, взлетит на воздух. Даже лейтенант отступил назад.

Корсар невозмутимо стоял у окна, словно простой зритель, не спуская, однако, глаз с аркебузирова, в то время как стоявшие за ним Кармо и Ван Штиллер следили за действиями соседей, высыпавших на террасы и балконы.

– Но кто вы такой? – спросил наконец лейтенант.

– Человек, не желающий, чтобы ему кто-либо мешал, даже офицеры губернатора, – ответил корсар.

– Я приказываю назвать ваше имя.

– Не вижу в этом необходимости.

– Я заставлю вас сделать это.

– А я взорву дом.

– Но вы с ума сошли!

– А вы тоже.

– Ах, вы оскорбляете меня?

– Вовсе нет, сеньор, просто вам отвечаю.

– Кончайте!.. Ваши шутки зашли слишком далеко.

– Вы думаете? Послушай, Кармо... Подожги-ка фитиль у бочонка с порохом!..

Глава 8

Спасительное бегство

Эти слова исторгли громкий крик ужаса не только у зевак, но и у солдат. Особенно сильно вопили соседи, и не зря, ибо от взрыва дома нотариуса наверняка пострадали бы их жилища. И кричали они так, будто уже видели себя взлетающими в воздух от взрыва.

Мирные жители и солдаты поспешили освободить улицу. Они бросились прочь от дома нотариуса, а соседи градом посыпались с лестниц, унося с собой кое-какие пожитки. Все были уверены, что этот злодей и безумец и в самом деле приведет в исполнение свою ужасную угрозу.

Один лишь лейтенант не сдвинулся с места, но, судя по тревожным взглядам, которые он бросал в сторону дома, его давно бы уже не было там, если бы он был один или не имел командирских нашивок.

– Нет!.. Стойте, сеньор!.. – закричал он. – Это безумие!

– Что вам угодно? – спросил его корсар невозмутимо.

– Прошу вас, повремените с вашим зловещим намерением.

– Охотно, если вы оставите меня в покое.

– Отпустите графа Лерму и остальных, и я обещаю вас не беспокоить.

– Я охотно это сделаю, если вы согласитесь на мои условия.

– А именно?

– Прежде всего я требую отвести назад войска.

– Затем?

– Достать мне и моим товарищам охранную грамоту, подписанную губернатором, чтобы мы могли оставить город, пройдя сквозь кордоны солдат, прочесывающих окрестности.

– Но кто вы такой, если вам нужна охранная грамота? – спросил лейтенант, чье изумление росло вместе с подозрениями.

– Заморский дворянин, – ответил корсар.

– Но в таком случае для выезда из города вам не нужна охранная грамота.

– Напротив.

– Значит, у вас на совести какое-нибудь преступление. Назовите мне ваше имя, сеньор.

В это время к лейтенанту, с трудом волоча ногу, подошел какой-то человек с повязкой на голове, пропитавшейся кровью.

При виде его Кармо, ни на шаг не отходивший от корсара и следивший за действиями солдат, не смог удержаться от возгласа:

– Гром и молния!

– Что с тобой, приятель? – спросил корсар, живо оборачиваясь к нему.

– Этот человек нас выдаст, капитан! Он из тех басков, которые напали на нас вчера ночью.

– Ну и что же! – промолвил корсар, пожимая плечами.

Баск, а это был действительно один из тех, кто присутствовал на поединке в таверне, а затем пристал к флибустьерам на улице, повернулся к лейтенанту и сказал:

– Вы хотите знать, кто этот дворянин в черной шляпе, не так ли?

– Да, – ответил лейтенант. – Ты его знаешь?

– Каррамба!.. Еще бы не знать, когда один из его людей чуть не отправил меня на тот свет. Смотрите, сеньор лейтенант, как бы он от вас не ушел!.. Это один из флибустьеров!..

Толпа взревела в ярости, но в ту же минуту раздался выстрел, и кто-то вскрикнул.

По знаку корсара Кармо быстро вскинул аркебузу и метким выстрелом поразил баска. Двадцать аркебуз прицелились в корсара, стоявшего в окне, а толпа завопила что есть мочи:

- Бейте каналий!..
- Тащите их на виселицу!
- Зажарьте их живьем!..
- Смерть им!.. Смерть им!..

Энергичным жестом лейтенант велел опустить аркебузы и, подойдя к окну, сказал корсару, не двинувшемуся с места, словно угрозы его не касались:

- Сударь, комедия окончена, сдавайтесь!..

Вместо ответа корсар пожал плечами.

- Вы меня поняли?! – закричал лейтенант, покраснев от гнева.

- Прекрасно, сеньор.

- Сдавайтесь, или я велю выломать дверь.

– Как вам угодно, – холодно ответил корсар, – но предупреждаю, что бочонок с порохом у нас наготове и пленные взлетят на воздух вместе с домом.

- Но вы же погибнете вместе с ними!

– Куда лучше умереть под грохот рушащихся стен, чем кончить позорной смертью, которая ждет меня после сдачи.

- Я обещаю сохранить вам жизнь.

– Что толку от ваших обещаний! Сеньор, вот уже шесть часов пополудни, а я еще не обедал. Решайте пока, что делать, а я вместе с графом Лермой и его племянником пойду закусить, и мы постараемся выпить стаканчик вина за ваше здоровье, если к тому времени дом не взлетит на воздух.

С этими словами корсар снял шляпу, с подчеркнутой вежливостью откланялся и удалился, оставив лейтенанта, солдат и толпу в еще большей растерянности и изумлении.

– Пойдемте со мной, друзья, – сказал корсар Кармо и Ван Штиллеру. – Я думаю, у нас хватит времени поужинать и потолковать.

– А солдаты? – спросил Кармо, не менее, чем испанцы, удивленный необычайным хладнокровием командира.

- Пусть покричат, если им хочется.

- Итак, поужинаем в последний раз, капитан?

– Ну, смерти нам дожидаться дольше, чем ты думаешь, – ответил корсар. – Настанут сумерки, и ты увидишь, какие чудеса способен творить бочонок с порохом.

Не вдаваясь в дальнейшие подробности, корсар вошел в комнату, перерезал веревки, связывавшие графа Лерму и молодого человека, и пригласил их к столу.

– Составьте мне компанию, граф, и вы, молодой человек. Надеюсь, что ваше обещание оградит меня от каких-либо неожиданностей.

– Разумеется, сеньор, – ответил с улыбкой граф. – Мой племянник безоружен, к тому же я знаю, как опасна ваша шпага... Итак, что делают мои соотечественники?.. Мне послышалось, что на улице слишком шумят.

- Пока что дело ограничивается осадой.

– Мне неприятно об этом говорить, но, боюсь, сеньор, что они кончат тем, что выломают дверь.

- Не думаю, граф.

– Тогда они окружают дом и рано или поздно заставят вас сдаться. Видит бог, мне было бы жаль, если бы столь отважный и обходительный человек, как вы, угодил в руки к губернатору. Этот человек не очень-то жалуется корсаров.

- Ван Гульд у меня не достать. Я должен жить, чтобы рассчитаться с фламандцем.

– Вы с ним знакомы?

– К несчастью, да, – ответил со вздохом корсар. – Он сыграл роковую роль в моих семейных делах, и если я стал флибустьером, то исключительно из-за него. Но не будем больше говорить об этом. Всякий раз, как я вспоминаю о нем, у меня вскипает кровь от ненависти и делается тяжело, как на похоронах. Выпьем, граф... Кармо, что делают испанцы?

– Они совещаются друг с другом, капитан, – ответил флибустьер, отрываясь от окна. – Похоже, что они не решаются напасть на нас.

– Они решатся, но тогда, когда уже будет поздно. Африканец на своем посту?

– Он на чердаке.

– Ван Штиллер, отнеси ему чего-нибудь выпить.

Сказав это, корсар, казалось, погрузился в глубокое раздумье, хотя и продолжал поглощать пищу. Он еще больше помрачнел, замкнулся в себе и почти перестал слушать то, что ему говорил граф.

Ужин закончился без помех, в полной тишине. Солдаты, несмотря на испытываемую ярость и желание вздернуть на виселицу или сжечь флибустьеров вместе с домом нотариуса, казалось, не знали, на что им решиться. Не то чтобы им не доставало смелости (напротив, они томились от бездействия) или они боялись взрыва (им было наплевать на нотариуса и его соседей), но дело было в том, что под угрозой находилась жизнь графа Лермы и его племянника, двух уважаемых граждан города, которых нужно было спасти любой ценой.

Уже спустились сумерки, когда Кармо предупредил корсара, что отряд аркебузирова, подкрепленный дюжиной алебардчиков, появился в конце улицы, заняв все ходы и выходы из нее.

– Значит, что-то готовится, – ответил корсар. – Позови Моко.

Через минуту африканец стоял перед ним.

– Ты хорошо осмотрел чердак? – спросил он.

– Да, хозяин.

– Нет ли выхода из него?

– Нет, но я проделал отверстие в крыше, и через него можно вылезти наружу.

– Нет ли поблизости наших врагов?

– Никого, хозяин.

– Знаешь ли ты, где можно спуститься?

– Да, здесь совсем рядом.

В этот миг оглушительный залп потряс все окрестности. Пробив жалюзи, несколько пуль вонзилось в стены. Задребезжали стекла, посыпалась штукатурка.

Вскочив на ноги, корсар выхватил шпагу. Почуввав запах пороха, этот человек, еще недавно столь спокойный и уравновешенный, теперь совершенно преобразился: его глаза метали молнии, бледные губы порозовели.

– Ага!.. Началось!.. – воскликнул он насмешливо. Затем, повернувшись к графу и его племяннику, добавил: – Я обещал сохранить вам жизнь и во что бы то ни стало сдержу свое слово. Однако прошу вас слушаться меня беспрекословно.

– Приказывайте, сеньор, – сказал граф. – Мне жаль, что вас осаждают мои соотечественники, иначе, уверяю вас, я охотно встал бы рядом с вами.

– За мной, если не хотите взлететь на воздух!

– Как, неужели рушится дом?..

– Через несколько минут здесь не останется камня на камне.

– Вы меня разорите! – заверещал нотариус.

– Молчи, скопидом! – заорал на него Кармо, развязывая ему руки. – Мы спасем тебе жизнь, разве этого мало?

– Но я лишусь дома.

– Вам заплатит за него губернатор.

На улице прогремел новый залп, пули влетели в комнату, разбив лампу, висевшую на потолке.

– Вперед, морские волки!.. – прогремел корсар. – Кармо, зажигай фитиль!..

– Слушаюсь, капитан.

– Проследи, чтобы бочонок не взорвался раньше, чем мы покинем дом.

– Не беспокойтесь, фитиль длинный, сеньор, – ответил флибустьер, кубарем скатываясь с лестницы.

Сопровождаемый четырьмя пленниками, Ван Штиллером и африканцем, корсар поднялся на чердак, в то время как аркебузиры, целясь в окна, продолжали обстреливать дом и громко требовали сдачи осажденных.

Пули свистели так страшно, что у бедного нотариуса мурашки забегали. Чиркая о стены, пули рикошетом отскакивали от кирпичной стены, но флибустьеры да и граф Лерма, побывавший не в одном сражении, не обращали на них никакого внимания.

Взобравшись на чердак, африканец показал корсару широкое отверстие неправильной формы, выходившее на крышу, которое он проделал с помощью бруса, вырванного из перекрытия.

– Вперед! – скомандовал корсар.

Вложив на время шпагу в ножны, он ухватился за края отверстия и в мгновение ока выбрался на крышу.

Быстро оглядевшись, он заметил, что рядом находились три-четыре дома, за которыми росли пальмы; одна из них подходила вплотную к забору, ее огромные роскошные листья лежали прямо на черепичной крыше.

– Спускаться будем там? – спросил корсар догнавшего его африканца.

– Да, хозяин.

– Из сада есть выход?

– Надеюсь.

Граф Лерма, его племянник, слуга, а также нотариус, посаженные крепкими руками Ван Штиллера, уже все были на крыше, когда появился Кармо.

– Быстрее, сеньоры! – крикнул он. – Через две минуты крыша рухнет под нами...

– Я разорен!.. – прохныкал нотариус. – Кто мне возместит...

Ван Штиллер перебил его, грубо толкнув вперед:

– Поторапливайтесь!

Убедившись, что врагов вокруг нет, корсар перепрыгнул на соседнюю крышу, за ним тотчас же последовали граф Лерма и его племянник.

Залп следовал за залпом, валил дым. Аркебузиры, казалось, решили изрешетить весь дом, прежде чем решиться взломать дверь.

Как видно, солдаты не шли на штурм дома, боясь, как бы корсар не привел в исполнение свою ужасную угрозу и не похоронил под развалинами дома самого себя и всех четырех пленников.

Волоча за собой нотариуса, у которого от страха отнялись ноги, флибустьеры вскоре добрались до стены последнего дома, возле которого росла пальма.

Внизу раскинулся огромный сад, окруженный высоким забором, за которым, казалось, начиналось поле.

– Мне знаком этот сад, – сказал граф. – Он принадлежит моему другу Моралесу.

– Надеюсь, вы нас не выдадите, – сказал корсар.

– Нет. Я еще не забыл, что обязан вам жизнью.

– Спускайтесь скорей, – произнес Кармо, – пока нас не сбросило с крыши взрывом!

Не успел он произнести эти слова, как гигантское пламя озарило потемки и одновременно раздался ужасный грохот. Флибустьеры и их пленники почувствовали, как крыша ходуном заходила у них под ногами, и они разом повалились друг на друга. Через секунду на них посыпалась известка, щебень, обломки мебели, горящее тряпье...

Столб дыма поднялся над крышами. На время беглецы потеряли из виду друг друга. Слышно было, как на улице рушатся стены, трещат полы, раздаются крики ужаса и брань.

– Гром и молния! – воскликнул Кармо, отброшенный воздушной волной к водостоку. – Еще полметра, и меня сдуло бы в сад, как пушинку!

Черный корсар быстро вскочил на ноги, задыхаясь от дыма.

– Все живы? – спросил он.

– Надо полагать, – ответил Ван Штиллер.

– Но... там кто-то лежит без движения, – сказал граф. – Неужели его убило осколком?

– Успокойтесь, это трусишка нотариус, – сказал Ван Штиллер. – Он еле жив от страха.

– Оставим его здесь, – предложил Кармо. – Он оправится сам, если к тому времени не окочурится от горя при виде своей разрушенной лачуги.

– Нет, – ответил корсар. – Я вижу, сквозь дым пробивается пламя. Если мы оставим его здесь, он неминуемо сгорит заживо. От взрыва загорелись соседние дома.

– Это правда, – подтвердил граф. – Я тоже вижу, что горит чье-то жилище...

– Воспользуемся суматохой, друзья, – сказал корсар. – А ты, Моко, займись нотариусом.

Капитан подошел к краю крыши, ухватился за ствол пальмы и соскользнул в сад. За ним последовали все остальные.

Он собирался было углубиться в одну из аллей, ведущих к ограде, как вдруг несколько человек, вооруженных аркебузами, высыпали из кустов и преградили ему путь:

– Стойте, стрелять будем!..

Схватившись рукой за шпагу, корсар потянулся за пистолетом. Он решил с боем прорваться вперед, но граф жестом остановил его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.